

НАТАЛИЯ ВИКО

Дичь для товарищей по охоте

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Наталия Вико

**Дичь для товарищей по охоте.
Документальный роман**

«Издательские решения»

Вико Н.

Дичь для товарищей по охоте. Документальный роман /
Н. Вико — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749358-5

В романе нет ни одного заурядного персонажа. Вокруг главного героя — гранпасьянс знаменитостей рубежа веков: Андреева, Горький, Станиславский, Ключевский. Прочитав роман, понимаешь, что великие исторические события берут начало в сердце. Любовь похожа на преступление и взведена, как курок. По бестселлеру профессионального историка и писателя Н. Вико о таинственной гибели миллионера Саввы Морозова сняты несколько документальных и художественных фильмов.

ISBN 978-5-44-749358-5

© Вико Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
1	13
2	15
3	18
4	20
5	23
6	25
7	29
8	31
9	36
10	42
11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дичь для товарищей по охоте
Документальный роман
Наталья Вико

© Наталья Вико, 2016

© Сергей Морозов, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Савва Морозов ворвался в мою жизнь стремительно, как и полагается человеку с его характером...

– Темой вашей диссертации, Натали, будет... – мой научный руководитель, проректор по науке Московского государственного историко-архивного института, харизматичный профессор Николай Петрович Ерошкин задумчиво обвел взглядом висевшие на стенах кабинета портреты классиков марксизма-ленинизма...

Стараясь скрыть волнение – выбор научного пути, как минимум, на ближайшие три года – дело нештучное, я посмотрела вслед за ним, но, натолкнувшись на безразличный ко всему, кроме экономической теории коммунизма, взгляд Карла Маркса, отвела глаза.

– Давайте-ка возьмем московское городское самоуправление, – продолжил профессор, хитро улыбнувшись сначала Марксу, а потом мне. – Знаете ли, Москва купеческая... Такая тема! Вы же у нас дореволюционник. Вот вам и карты в руки. Три года аспирантуры... – по его лицу скользнула улыбка, – еще будете вспоминать это время, как самое счастливое...

«Что ж, – усмехнулась я, уже выходя из кабинета, – Карл Маркс подсказал неплохой выбор».

– Кстати, Натали, – услышала я вслед и обернулась, – среди гласных городской Думы был один человек... Хотел бы, чтобы вы с ним познакомились поближе. Кажется мне, из вашей встречи может получиться отличный... роман...

Важно поправив очки с простыми стеклами – необходимый атрибут аспирантки в двадцать один год – я попыталась уточнить фамилию будущего героя своего романа.

– А вот этого я вам не скажу, – расплылся в улыбке Николай Петрович. – История, голубушка, – штука тонкая. Надо, чтобы он сам вас заметил. Только тогда и сложится...

Три последующих, и вправду, счастливых года я прожила в Москве начала двадцатого века, куда была перенесена машиной времени под названием историческое исследование.

Исторические источники и литература... За этими словами скрывались не только сухие отчеты и протоколы заседаний городской Думы, газетные статьи и мемуары, но письма и дневники, с пожелтевших страниц которых выплскивались чувства, мысли, переживания и страсти, бушевавшие в сердцах людей, имена которых мы помним до сих пор: А. Бахрушин, С. Мамонтов, В. Пржевальский, Н. Гучков, С. Морозов, В. Голицын. Изучая их непростые судьбы, я всякий раз буквально спотыкалась о нестыковки и разночтения, связанные с жизнью одного из них – Саввы Тимофеевича Морозова, который с хитрым прищуром смотрел на меня с фотографии...

Через три года диссертация была защищена, но тема Саввы Морозова не отпускала. Осталось много вопросов, ответы на которые тогда так и не были найдены. Они касались не только самого С. Морозова, но и многих окружавших его людей.

Например, как могла мать Саввы – Мария Федоровна, давшая прекрасное образование детям, по утверждению одного из советских писателей, не интересоваться печатным словом, не посещать театры и музеи, не пользоваться электричеством, из боязни простуды не мыться, предпочитая обтираться одеколоном? А как же найденные в архиве фотографии погруженной в чтение Марии Федоровны и электрический светильник рядом? И как же письмо губернатора младших Морозовых, в котором тот упоминал, что во время поездки в Берлин Мария Федоровна настояла на посещении Дрездена, чтобы показать детям знаменитую галерею? Да и сам Савва Морозов рассказывал Исааку Левитану, кстати, несколько лет с разрешения Марии Федоровны прожившему во флигеле ее дома, что именно она привила детям любовь к прекрасному, регулярно посещая с ними Императорский Большой и Малый театры и симфонические концерты в Москве и Петербурге. Возможно, именно тогда в душе Саввы посели-

лась любовь к театру, благодаря которой Россия имеет ныне жемчужину культуры – Московский художественный театр.

Чем больше я занималась темой, тем больше понимала – история Саввы Морозова – очередная фальсификация советской историографии. Но зачем? Почему даже его внук, в книге «Дед умер молодым» представил Савву как безвольного, мечущегося человека, но в то же время почти революционером и другом Баумана? Зачем вслед за Горьким утверждал, что Савва лично брил бороду попу Гапону 9 января 1905 года, чтобы помочь тому скрыться от царских ищеек? А как же телеграмма Горького от 9 января 1905 года, адресованная Екатерине Пешиковой: «Послезавтра, т.е. 11-го, я должен буду съездить в Ригу – опасно больна мой друг Мария Федоровна – перитонит. Это грозит смертью, как телеграфируют доктор и Савва»? Значит, 9 января С. Морозов был в Риге? Об этом же свидетельствует и сама Андреева, утверждая, что в эти январские дни Морозов неотлучно находился у ее постели.

Но самая большая тайна – обстоятельства смерти Саввы Морозова в мае 1905 года в Каннах...

Помню теплый майский день, когда у входа в Историко-архивный институт ждала... Савву Тимофеевича Морозова. Нет, не того Савву, а его внука – писателя, автора книги «Дед умер молодым». О встрече, по моей просьбе, договорился Николай Петрович Ерошкин. Уже около тридцати минут я стояла у входа в институт на Никольской улице, с волнением глядя в лица проходящих мужчин и пытаюсь угадать, кто же из них внук Саввы. Наконец, увидела... Широкое лицо с узкими губами, жесткий взгляд удлинённых глаз... Похож... Я смотрела и чувствовала, как негодование, охватившее меня после чтения некоторых страниц его книги, уходит, и на его место приходит радость от присутствия рядом ЕГО внука.

Савва Тимофеевич-младший выглядел усталым и оказался замкнутым и настороженным.

«Наверное, таким и должен быть – наследник экспроприированного многомиллионного состояния, которому позволили выжить», – подумала я тогда.

Мы проговорили менее часа в кабинете Николая Петровича.

«Поймите, – задумчиво глядя куда-то поверх наших голов, сказал гость. – Правда – не всегда привилегия потомков известных людей. Смею ли я, внук Саввы Тимофеевича и Зинаиды Григорьевны, описывать страсть деда к этой актрисе... Андреевой? Могли ли мы, Морозовы, в наше время, говорить о том, что Савва Тимофеевич отказал в помощи большевикам, оставив незадолго до этого Марии Андреевой страховой полис на предьявителя? В 1921 году они расстреляли моего отца, сына Саввы Тимофеевича... Вряд ли после этого кто-то из нас испытывал желание разбираться в причинах смерти деда. Да и вам не советую. Темное дело... – Он провел ладонью по седым волосам и, поднявшись с места, торжественно закончил:

– А о себе могу сказать коротко. Я – советский писатель! Советский! И в этом – моя правда.

После его ухода я молча достала из портфеля рукопись статьи о Савве Морозове и положила перед Ерошкиным.

– Умница! – прочитав статью, сказал он и откинулся на спинку кресла. – Будете публиковать?

– Конечно! – уверенно заявила я. – Как вы думаете, куда лучше предложить?

– Попробуйте в «Вопросы истории». И не раздумывайте. Несите прямо сегодня...

...Статью в журнале приняли прекрасно. Читали и перечитывали, говорили хорошие слова и, наконец...

– Вы проделали огромную работу, Наталия Юрьевна, – уважительное обращение по имени и отчеству было приятно, но насторожило. – Но, поймите, невозможно публиковать материал, в котором вы прямо или косвенно обвиняете Красина, Андрееву и Горького

в убийстве Морозова. Это же люди из касты неприкасаемых! – редактор одобрительно усмехнулся, заметив, удивление на моем лице, говорившее о том, что я поняла... значение слов.

– Но вы-то хоть понимаете, что все это правда? – именно сейчас нуждаясь в поддержке, спросила я и прищурилась от внезапной рези в глазах.

– Я? – редактор сочувственно посмотрел на меня. – Да... – Он покачал головой. – Впрочем, не грустите. У вас еще вся жизнь впереди. Может, когда-нибудь у вас появится возможность рассказать обо всем. Всем...

...Смеркалось. Я «голосовала» у дороги. Зеленый огонек такси вывел меня из оцепенения.

– Куда едем, девушка? – приоткрыв окно, поинтересовался пожилой водитель.

– На кладбище! – буркнула я и, не дожидаясь согласия, уселась на заднее сиденье.

– Не рановато ли? – посмотрел он в зеркало заднего вида.

– В самый раз, – решительно ответила я...

Когда мы подъехали, Рогожское старообрядческое кладбище уже закрывалось. —

– Опоздала, – сообщил сторож у входа.

– Пустите меня... пожалуйста... очень надо... сегодня... – голосом бедной родственницы попросила я. Жалобный голос и изможденный вид сработали.

– К кому идешь?

– К Морозову.

– Савве Тимофеевичу?

– Савве Тимофеевичу.

– Он в это время, – сторож посмотрел на часы, – посетителей не ждет.

– Меня – ждет! – выпалила я. – Точно ждет!

– Хм... – сторож покачал головой и открыл калитку. – Проходи. Только ненадолго.

И смотри, коли не ждет! – услышала я уже вслед. – Он мужчина суровый...

Я почти бежала. Справа каркнула ворона. За ней – другая. Недовольно и злое.

«Все как и должно быть вечером на кладбище», – почти удовлетворенно отметила я.

Слева, наконец, появился большой крест белого мрамора.

«Успела!» – прислонившись к ограде и прикрыв глаза, я замерла...

...Перед уходом, тихо сказала вслух:

– Сколько бы лет ни прошло, я расскажу о тебе правду. Всем. Обещаю.

И в этот момент услышала хлопанье крыльев. Белоснежный голубь опустился на могильный крест и, наклоня головку то вправо, то влево, внимательно разглядывал меня черными глазами-бусинками...

...Поздно вечером в квартире раздался телефонный звонок. Голос Ерошкина был едва слышен сквозь шум помех.

– Что в редакции? Отказали?

– Отказали.

– Я так и думал.

– Вы знали?!

– Конечно, знал.

– Почему не остановили меня?

– Проверка на прочность необходима. Особенно историкам. Рукопись в мусорном ведре?

– Что-о-о?!

– Понял. Так что дальше? Что вы решили?

– Была на могиле Саввы... И поклялась, что напишу о нем правду. Напишу. А вы меня знаете. Я свое слово держу.

– Что ж... – голос Учителя дрогнул. – Я рад, девочка, что в тебе не ошибся, – перешел он на «ты». – И верю – у тебя все получится. А в тот день, когда будешь держать в руках

написанную тобой книгу о Савве, – помолчал, – вспомни обо мне. Ведь это благодаря мне он стал... героем твоего романа.

...Шли годы. Застой, пятилетка пышных похорон, перестройка и гласность, путч, победа над коммунизмом, ваучерная приватизация, снова путч и снова победа... над самими собой, дефолт и снова медленное возрождение страны, измученной социальными экспериментами. И все это время – медленная, кропотливая работа по сбору материалов для книги, проверка версий и разочарование от тупиков. Персонажи книги уже говорили и действовали, порой, стыдливо замолкали и прятались, иногда пытались оправдаться и объясниться... но, главное, они ожили:

«Зеркало разбилось...» – испуганный голос Тимофея Саввича.

«Теперь это аллея будет носить ваше имя...» – голос Саввы и неторопливое цоканье копыт двух лошадей, идущих бок о бок.

«Вовремя человека пожалеть – хорошо бывает...» – слезливый басок Горького.

«Чертов поганец Парвус прогулял в Италии мои гонорары» – тоже Горький, но уже недовольный.

«Купчишка!...» – это Книппер.

«Актерка? Я вам покажу актерка!» – истерика у Марии Федоровны.

«Очень прошу, не пиши ничего плохого про Машу», – слова, сказанные хриловатым голосом Саввы... Уже – мне...

В бывшее имение Саввы Морозова в Архангельском по Каширскому шоссе я попала почти случайно. Отдыхала неподалеку в санатории «Бор». Прогуливалась по аллее, которую, как мне сообщили старожилы «почему-то называют аллеей Марии Андреевой», подошла к особняку, в котором начинали вести ремонтные работы, восстанавливая для нужд правительства. Села на скамейку и вдруг... рядом опустился белый голубь. Заворковав, он начал внимательно рассматривать меня черными бусинками глаз...

Вернувшись домой, я снова засела за работу, описывая последний месяц жизни Саввы...

Итак, семья Морозовых в мае 1905 года переехала из Виши в Канны и остановилась в гостинице «Ройял», которая находилась на улице... И снова вопрос... В каком месте в Каннах находится или находился отель, в котором был убит Морозов? В мемуарной литературе точной информации не было. Ведущий телеканала «Культура» привычно сообщая обкатанную версию биографии Морозова, сообщил в одной из передач: «Морозов, будучи человеком с больной психикой, застрелился в городе Канны в „Ройял-отеле“ на улице Рю де Миди».

Запрашиваю своих французских коллег и друзей. Проверяют. Нет и никогда не было в Каннах такой улицы. А вот «Ройял-отелей» в прошлом веке в Каннах было несколько. Найти тот самый не удалось. Лечу в Канны сама. Посадка в Ницце. Недолгая поездка на машине и вот – Канны. Самый известный курортный городок на французской Ривьере. Впрочем, если убрать международный Каннский кинофестиваль, останутся только море, пляж, пальмы, туристы и яхты.

Начинаю по списку составленному французскими коллегами искать ту самую гостиницу. Вот – бывший «Ройял-отель», но построен в 1910. Это – нынешний «Ройял-отель», однако построен еще позже. Пытаюсь договориться с муниципальным архивом. Телефонные переговоры не дают результата. Русского исследователя допускать в городской архив не хотят. Помог, как всегда, случай. А вернее – Моцарт. На концерте знакомлюсь с неким Томасом Грэхэмом, который вызвался мне помочь, узнав, что я не просто родилась в Лондоне, но даже в том же родильном доме, что и он – в Кенсингтоне. Брат по родильному дому. А в муниципальном архиве у него знакомая... И вот уже через пару дней у меня в руках небольшая пожелтевшая фотография-открытка, на которой «Ройял-отель», существовавший в Каннах в 1905 году! На всякий случай переснимаю и увеличиваю изображение на компьютере. Между третьим и четвертым этажами ясно видна вывеска – название отеля! Теперь

я знала точно – отель находился на пересечении бульвара Круазет и улицы Коммандантэ Андрэ. Еду туда. И получаю еще одно доказательство: в реконструированном здании сейчас находятся апартаменты под названием «Вилла Ройял»!

Итак, отель найден. Теперь – почти невыполнимая задача – попытаться разыскать родственников тех, кто работал в гостинице почти сто лет тому назад. Воспоминание о таком событии, как убийство русского миллионера могло передаваться из уст в уста. День сменяет день... И вот листаю с трудом обнаруженные списки лиц, работавших тогда в гостинице. Жак Ориоль. Консьерж. Работал в 1905 году. Всю жизнь прожил в Каннах. А родственники?

«Мадам Натали, это очень сложно, впрочем, обратитесь к мсье... возможно он...».

...Мсье не вполне соответствовал образу французского мужчины – героя-любownika, стереотипом забитого в голову французскими кинофильмами. На встрече, окутывая себя сигаретным дымом, очевидно, чтобы скрыть одутловатость лица, хрипло спросил: «А он кто вам, этот мсье Мо-ро-зов?» Я немного растерялась. Как объяснить, кто мне «этот Мо-ро-зов»? Ответ пришлось начать с вопроса о вечном и непостижимом: «Мсье... Позвольте спросить, знаете ли вы, что такое – любовь?»

Тело мсье дрогнуло и с любезными словами про мои невероятные зеленые глаза предприняло попытку освободиться из плена плотно обнимающего его кресла, вероятно, чтобы сделать изящный французский поклон и страстно припасть к моей руке. Пришлось разъяснить, что я имела в виду «любовь с большой буквы», ради которой люди готовы на подвиг, отчаянный поступок, в том числе, даже самопожертвование...» Показалось, что мсье немного расстроился, но, выслушав рассказ о любви Морозова, в конце повествования настолько проникся сочувствием, что даже прослезился. Через три дня внучка Жака Ориоля, госпожа Луиза Ориоль сидела передо мной в холле отеля и рассказывала со слов покойного деда об убийстве русского миллионера в далеком 1905 году.

– Убит? Почему ваш дед считал, что Морозов убит? – на всякий случай уточняю я.

– В тот день, а может, за день до случившегося, в отеле к дедушке подошел мужчина. Дедушка хорошо его запомнил. Элегантный, ухоженный, рыжеволосый, с аккуратной бородкой. Оставил для этого русского конверт. Дед передал конверт постояльцу и обратил внимание – тот вскрыл конверт при нем – на записку. В ней был только знак вопроса. И все. А гость, теперь я понимаю, что это был мсье Морозов, ее разорвал, взял на стойке лист бумаги, нарисовал жирный восклицательный знак и отдал дедушке, чтобы тот передал ответ тому, кто будет спрашивать... Тот человек пришел, посмотрел на восклицательный знак и попросил передать русскому на словах, что ему очень жаль... Дед всем говорил, что постояльца убили. Но хозяевам не была нужна широкая огласка, а полиции расследование. Поэтому версия самоубийства устроила всех. Вспоминая об этой истории, дед все время повторял одну фразу: «Они такие странные, эти русские...»

Что было потом я уже знала. Тело перевезли в Москву и похоронили на Рогожском кладбище. Самоубийц на кладбище не хоронят. Тем более на старообрядческом. Даже очень богатых... Гроб с телом несли от вокзала на руках. На похороны пришло более пятнадцати тысяч человек, в том числе, вся труппа МХТ. Не было только Марши Андреевой... В этот день ей нездоровилось...

Работа над книгой была закончена и рукопись передана в издательство. Приближался юбилей Саввы Морозова. 140-лет со дня рождения. А я все никак не могла успокоиться и стала снимать документальный фильм о нем. В ходе съемок очутилась под Орехово-Зуево, в храме Рождества Богородицы. Почти девяносто лет в нем хранилась икона Саввы Стратилата, написанная на деньги, собранные рабочими и служащими Никольской мануфактуры г. Орехово-Зуево в память о своем «незабвенном директоре». Икону украли из храма в середине 90-х годов после того, как показали в одной из телепередач.

Получив на то благословение Епископа Филлипольского Владыки Нифона, заказала список иконы по имевшейся у меня фотографии из архива и уже через несколько месяцев счастливая стояла перед настоятелем храма...

Высокий худой священник, выслушав меня, вдруг вскинул руку, направив указательный палец на меня: «Это ты украла икону! Такие как ты! Ненавижу! Журналиги проклятые! Украла икону, а теперь грехи замолишь?!»...

Палец вонзился мне прямо в сердце...

А прекрасная икона в резном деревянном кивоте осталась у меня в доме...

Спустя пару лет, я снова оказалась в Каннах, где рассказала историю про икону настоятелю русского православного храма, что на улице Александра III, Архиепископу Каннскому и Западно-Европейскому Варнаве.

«Сочту за огромное счастье принять сию святую икону в дар от вас нашему храму. Морозова люди помнят, да и убили его вот, буквально в пяти минутах ходьбы отсюда, – без тени сомнения сказал он. – Сделайте только латунную табличку с пояснением на двух языках – русском и французском».

И вот в июле 2005 года к 100-летию со дня смерти Саввы Тимофеевича Морозова список иконы Саввы Стратилата был перевезен в Канны (при содействии и участии вице-президента Российского фонда культуры Т. Шумовой, администрации компании «Аэрофлот» в лице В. Авилова и И. Чунихина, сотрудницы Федерального Агентства по культуре и кинематографии М. Блатовой, оказавших помощь в перевозке более чем тридцатикилограммовой иконы в окладе) и передан Архиепископу Каннскому и Западно-Европейскому Варнаве на вечное хранение в православном храме г. Канны на улице Александра III. Икона обрела свой храм.

А до этого был февральский вечер 2002 года, когда Московский художественный театр отмечал 140-ю годовщину со дня рождения Саввы Тимофеевича Морозова.

В фойе гостям дарили книги «Дичь для товарищей по охоте». Еще теплые. Только что из типографии...

Уютный зал малой сцены был полон людьми, взволнованные лица которых говорили о том, что все происходящее им не безразлично и что память о человеке, без которого не было бы Московского Художественного Театра, все еще жива.

Я почти не смотрела на экран, где показывали снятый при моем участии документальный фильм «Савва Морозов: смертельная игра», а вглядывалась в лица зрителей – взволнованные, светлые. У многих на глазах были слезы... И вдруг вспомнила: «Бог мой, ведь ровно двадцать лет назад, в феврале, да-да, именно в феврале 1982 года я ездила на Рогожское кладбище... «Сколько бы лет ни прошло я расскажу...»

Зажегся свет. Аплодисменты взорвали тишину. Ведущий, заведующий литературной частью МХТ милейший Николай Шейко поцеловал мне руку и предоставил слово...

На торжественном вечере не было лишь главного режиссера МХТ... Был занят...

Поздно вечером мы вышли из театра. Вспомнился один из наших последних разговоров с Олегом Николаевичем Ефремовым:

– Мы еще поставим в Камергерском памятник... Поставим! Представьте, Наташенька, скамейка напротив театра, а на ней сидят трое – Морозов, Станиславский и Немирович. Говорят, вроде, о своем, а сами внима-тельно наблюдают за нами...

– А вы не боитесь, Олег Николаевич, что им не понравится те, кого они увидят?

– Боюсь. Но мы – исправимся, – грустно улыбнулся он. – И непременно станем лучшие. Непременно! Иначе и быть не может...

«...мануфактур-советник с бритым черепом...»

«...экзальтированная особа по имени Наталья Вико...» «...экстаз самообожания...» «...образчик дилетантской манерной женской прозы...» «...Название книги, как вы понимаете,

родилось именно отсюда. Оказывается, где-то что-то на эту тему написал Горький. Типа: «Я заказал Сене дичь...» «...фильм с безыскусным заголовком «Савва Морозов»...» и т. д.

Это о Савве Морозове, обо мне, книге, документальном фильме... и о себе... – корреспондент (ка) газеты «Новые Известия» в отчете о юбилейном вечере...

Через несколько дней после выхода книги, приехав на дачу, я открыла окно, чтобы проветрить кабинет. В гостиной зазвонил телефон. Положив книгу о С. Морозове на подоконник, я вышла. А когда вернулась – увидела белого голубя, который, наклонив головку, сидел на книге, будто пытался заглянуть внутрь черными бусинками глаз...

В течение трех дней голубь то улетал, то снова возвращался на отлив у окна кабинета. И даже позволил себя сфотографировать...

Скажете мистика? Возможно. Но ведь мистика – всего лишь то, что неподвластно рациональному человеческому разуму...

А одной тайной в истории, все-таки, стало меньше! Во всяком случае, для меня самой...

1

– Как мне надоел дождь, Савва, кабы ты знал! Поливает, будто осень на дворе. Тоску навевает!

– Зинаида, голубушка моя, такой дом тебе построил, вся Москва только о нем и говорит, а ты еще смеешь о тоске рассуждать? – коренастый мужчина средних лет смотрел смеющимися глазами. (1).

– А тебе не приходило в голову, Саввушка, что я могу просто по тебе тосковать? Ты вечно пропадаешь по своим делам, а мы с детьми только то и делаем, что вспоминаем, когда видели тебя в последний раз. Вскорости забудешь, как выгляжу! – повернувшись к зеркалу, Зинаида привычным движением заколола шпилькой темные волосы и довольно глянула на свое отражение.

– Да уж, забудешь, как же! – Савва порывисто обнял жену. – Не для того, наверное, тебя у племянника увел! (2).

– Пусти! Все кости переломаешь! – шутливо хлопнула она мужа по спине. – Силища-то какая! Пусти, говорю!

Савва нехотя разжал руки и, уже отходя в сторону, подхватил со столика, инкрустированного светлым деревом, томик в кожаном переплете.

– Никак Пушкина читаешь? – поинтересовался он, перелистывая страницы.

– Перечитываю. Ты-то всего Пушкина наизусть знаешь, а у меня в голове свободного места уж не осталось. Все, куда ни глянь, хлопоты да дела. Суета одна, ей Богу!

Заметив, как Савва, захлопнув книгу, прикоснулся к серебряной цепочке, явно намереваясь вытянуть часы из кармана жилетки, Зинаида замолчала.

– Так что ты говорила? – Савва отпустил цепочку и, неловко повернувшись, едва не опрокинул с подставки вазу с фарфоровыми цветами. Заметив укоризненный взгляд жены, недовольно поморщился. Россыпь фарфоровых безделушек, заполнивших дом, была предметом его раздражения. У Зинаиды, определенно, отсутствовало чувство меры. Спальня из карельской березы с бронзой, мебель, покрытая голубым штофом – куда ни шло, но обилие фарфора, из которого были сделаны стоящие на столиках вазы, бесчисленные крохотные статуэтки и даже рамы зеркал – очевидный признак тщеславия и дань показной роскоши – пошлой и чрезмерной. Сам он, напротив, предпочитал строгий английский стиль во всем – и в одежде и манере поведения. Любовь ко всему английскому появилась еще в молодости, когда, закончив физико-математический факультет Московского университета, уехал изучать химию в Кембридж, где стал специалистом по красителям, и получил даже несколько патентов за изобретение. Ему нравилась английская обязательность, деловая хватка, неспешность в поведении и сдержанность в проявлении чувств. Глядя, как ревниво охраняют англичане все, связанное с традициями и собственным внутренним миром, он невольно сравнивал их с русскими, которые являли собой нечто противоположное. Распахнутая незащищенность расточительной русской души, право же, не лучшее свойство ее владельца.

– Зинаида, начала, так договаривай. А то мне уже ехать пора, —он аккуратно положил книгу на столик рядом с вазой.

– Да ты смеяться будешь, коли скажу, – с сомнением глянув на Савву, она машинально поправила вазу и взяла томик Пушкина, ласково проведя по обложке пальцами, украшенными массивными золотыми кольцами и перстнями.

– Я, знаешь ли, – смущенно склонив голову, она опустила в кресло у окна, – только не смейся, пожалуйста! Я... гадаю по нему.

– Что? Как это – гадаешь? Как рыцари-крестоносцы по Евангелию, что ли? – усмехнулся Савва, опять нащупывая в кармашке жилетки часы.

– А просто! – Зинаида оживилась. – Открываю томик и говорю себе – на такой-то странице столько-то строк сверху или снизу надо отсчитать и прочесть, что написано. Глупо, конечно, понимаю, – заметив удивленный взгляд Саввы, попыталась оправдаться она, – но вот такая у меня появилась причуда! И надо сказать, Александр Сергеевич меня еще ни разу не подводил. Не хочешь попробовать? – протянула книгу мужу.

– Пора мне. К ужину не жди. – Савва направился было к двери но, почувствовав за спиной напряженную тишину, которая ясно свидетельствовала – в комнату вошла обида – остановился. – Ну, хорошо! – Он развернулся, прислонился плечом к дверному косяку и даже попытался улыбнуться, но улыбка не получилась, скорее – гримаса нетерпеливого раздражения. – Попробуй сама. За меня.

Зинаида, торопливо открыв книгу наугад, торжественно огласила: «Страница пятьдесят шесть!» – подняв глаза, добавила: «Шестая строка сверху», затем отсчитала строки и начала читать: «Да кто ж, скажи, разлучница моя?» – ее голос дрогнул. Бросив удивленный взгляд на Савву, продолжила: «Я доберусь. Я ей скажу, злодейке: отстань от князя, – видишь, две волчихи не водятся в одном овраге» – совсем тихо закончила она чтение и, опустив книгу на колени, растерянно посмотрела на нахмурившегося мужа.

– А! – Савва махнул рукой. – Глупости все это, видишь же сама! Странная ты, право, Зина! То вроде умница-разумница, а то... Ехать мне надо, не обессудь! – бросил он через плечо, покидая комнату.

Растерянная Зинаида, проводив взглядом мужа, снова открыла томик, и прошептал: «Шестая снизу», прочитала:

«На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить».

– Очень мило! – сердито захлопнув книгу, отбросила ее на диван. Потом подошла к окну, покрытому похожими на обильные слезы каплями дождя, провела пальцем по стеклу, и едва слышно повторила недоуменно, пытаясь разгадать скрытый смысл:

– Две волчихи не водятся в одном овраге? Что это с вами сегодня, господин поэт? То вроде умница-разумница, а то...

2

Выйдя из автомобиля у особняка матери в Трехсвятительском переулке, Савва потушил папиросу и неторопливо вошел внутрь. В последнее время он не часто посещал матушкин дом. Из года в год здесь ничего не менялось, будто и не было прожитых лет за спиной.

– Здравствуй, Никодим. Все толстеешь? Как поживаешь-то? – проходя в прихожую, бросил он пожилому мужчине с окладистой черной бородой.

– Благодарствую-с, Ваше степенство, – проводил его дворецкий низким поклоном.

В гостиной, ожидая матушку, к которой отправился с докладом слуга, Савва принялся расхаживать из угла в угол. Встречи с матерью – женщиной умной и властной, были для него не только сыновним долгом, но и отчетом. Матушка – главная пайщица товарищества. Даже отец ее побаивался, по любому поводу советовался и советы исполнял беспрекословно. (3). Савва был пятым ребенком в семье. До него четыре девчонки народились, а мать с отцом все ждали сына – наследника, продолжателя рода. И вот, наконец, сын! Правда, в момент рождения в доме зеркало разбилось. Савва от отца потом узнал. Плохая примета. Тимофей Саввич жене про то ничего не сказал, только помолился за здоровье супруги, да сына, коим наградил его Бог. Через год родился брат, Сергей, ставший матушкиным любимцем, потому как в отличие от своенравного упрямяца Саввы, которого отец даже прозвал «бизоном», научился тонко играть на струнах материнской души.

Семья относилась к старой вере, потому и Савва воспитание получил по уставу древнего благочиния. За плохие успехи в учебе драли его нещадно старообрядческой лестовкою. А она – штука жестокая, с рубчиком. После порки любимая няня Федосья, утирая слезы, мазала Саввушке больное место елеем и заставляла молиться святому Пантелеймону-целителю, чтобы зажило скорее...

Морозов достал папиросу, закурил, сделал несколько быстрых затяжек, но, услышав приближающиеся шаги, торопливо затушил, раскрошив пальцами табак, который просыпался на пол темного дерева. Несколько раз шаркнул ногой, разметая табачные крошки.

– Сам явился? – в комнату медленно, чуть раскачиваясь, вплыла Мария Федоровна, невысокая пожилая женщина в широком черном платье и чепце, с аккуратно заправленными волосами. Маленькие глазки скользнули по фигуре Саввы, узкие губы скривились в гримасе. Видно, все же учуяла запах табака.

– Чего вдруг? Доклад о делах фабрики мог и с посылным передать, – сказала она строго и замолчала, всматриваясь в лицо сына. Савва сразу набычился, глядя исподлобья. Помнил, что последняя встреча с матерью закончилась ссорой.

– Экой ты сегодня! Случилось что? Или твоя «разведенка» чего выкинула? – чуть смягчила тон Мария Федоровна.

– Матушка, столько лет прошло, а вы все за свое, – поцеловал Савва руку матери и, дождавшись пока та усядется, почти утонув в огромном кресле, опустился на диван напротив.

– Что мне года? Разве что сердце пошаливать стало. Иногда, кажись, оторвется и рухнет в недра самые. А «разведенка» твоя, она была и есть «разведенка». Слышанное ли дело – наперекор законам веры святой, в дом разведенную привести! Знаю, что говорю! – повысила она голос, заметив, что Савва собирается возразить. – Знаю! Во всяком житейском деле, слава Богу, изнанку вижу.

– Матушка, столько прожито с Зиной вместе, детей народили, а вы все никак не смиритесь. Сами же согласие дали на наш брак. Значит – сумели простить.

– Материнское сердце простить может, а забыть – никогда. Не люблю ее и все тут! – Мария Федоровна хлопнула ладонью по поручню кресла. – И хватит о том. Так с чем пожаловал?

Савва вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул матери.

– Прочтите. Из Китая письмо от господина Лоскутова. Похоже, на китайском поле мы англичан на обе лопатки положили, – довольно усмехнулся он.

Мария Федоровна взяла бумагу, расправила на коленях и, надев очки, принялась читать, сохраняя строгое выражение лица.

В комнату внесли тяжелые бронзовые подсвечники с горящими свечами и поставили на низкий дубовый столик около кресла.

– Что ж, матушка свет-то электрический не включаете? – спрятав улыбку, поинтересовался Савва.

– Будто сам не знаешь? – ворчливо сказала она, не поднимая головы. – От свечей дух медовый идет и тепло живое.

– Марья Федоровна, что еще изволите? – прощепетала молоденькая прислуга, слегка наклонив голову.

– Ступай! – махнула рукой Мария Федоровна, продолжая читать.

Савва, откинувшись на спинку дивана, сидел с полуприкрытыми глазами и размышлял. Всякий раз, приезжая к матери, он подсознательно ждал доброго слова, похвалы, поддержки. И, наверное, нежности и материнской ласки. Нет, он, конечно, знал – мать любит его, но не считает нужным проявлять любовь к тому, кто уже давно перестал быть смешным маленьким упрямым, а стал взрослым и сильным мужчиной.

Иногда, во сне, к нему приходила мать. Другая, из какой-то иной жизни. Протягивала руки навстречу, и он, мальчишка, сбегая вниз по ступенькам, нырял в ее объятия, в нежную, теплую, сумасшедшую любовь. А она целовала его лицо, пальчики, и шептала: «Милый мой, милый, мальчик мой!»

– Я спрашиваю... – вернул его к действительности голос Марии Федоровны, протянувшей к нему руку с письмом. – Где витаешь? Как дети, здоровы?

Савва убрал письмо в карман. Вот опять – будто и не читала, слова не скажет в одобрение, хотя по глазам видно – довольна.

– Здоровы, матушка. Сейчас с Зинаидой в Покровское собираются, – Савва потеревил цепочку часов.

– Торопись куда? – мать неодобрительно приподняла бровь.

– На мануфактуру, а потом в театр. Путь не близкий, но обещал, – стряхнул он с колена несуществующие пылинки.

– Слышала я, зачастил ты туда? – Мария Федоровна испытующе взглянула на сына. – Не нравится мне это!

Савва поднялся с места, машинально достал портсигар, раскрыл его, но, поймав неодобрительный взгляд матери, громко защелкнул и снова убрал в карман.

– Интересное дело получается, матушка! Никак вам Савва не угодит! Что-то я уставать стал от поучений.

Под недовольным взглядом Марии Федоровны сбавил тон.

– Вот вы, матушка, на Зину мою все обиду держите, а ведь вы ее любить должны: она точь-в-точь ваши речи повторяет.

Изнутри набегала горячая волна раздражения. Пора было уходить. Не хотелось вновь закончить разговор ссорой.

– Матушка, право же, я уж не дитя. Вырос давно. И жизнь строю по своему разумению и... полученному воспитанию. А воспитание вы мне дали отменное. Надеюсь, оспаривать не станете? – с добродушной улыбкой он посмотрел на мать.

Та погрозила пальцем.

– Хитер ты, Савва. Ой, хитер! – ее глаза потеплели. – Ладно, ступай. Вижу я – тебе уж не сидится!

Савва поцеловал протянутую руку и, не оглядываясь, будто сбросив груз с плеч, вышел из комнаты.

На душе Марии Федоровна было тревожно. «Не дитя... Вырос давно... И жизнь строит по своему разумению... Храни его Господь», – перекрестила она сына вслед.

3

– И вот та-ак, вот та-ак присучиваешь нитку, понял? – объяснял Савва, стараясь перекричать шум станков, и строго глядя на стоящего перед ним подростка.

Тот закивал, с нескрываемым интересом разглядывая хозяина.

– Савва Тимофеевич! Вот вы где! – к Морозову почти бегом приблизился невысокий мужчина с болезненным лицом.

– А, господин инженер! Рад приветствовать! – Савва направился к следующему станку. Инженер поспешил следом.

– Подожди-ка, милый, – прокричал Савва молодому рабочему и наклонился, что-то регулируя в механизме. – Так, теперь порядок.

– Савва Тимофеевич! Вы меня обижаете, честное слово, – наклонился к его уху инженер. – Бегаете с этажа на этаж, пряжу на прочность пробуете, подростков учите, станки настраиваете, виданное ли это дело? А мы – то на что?

– На то я и хозяин, чтобы во все вникать, каждый винтик знать и каждое движение рычагов! – Савва вынул из кармана часы. «Пора в театр. Не опоздать бы.»

* * *

Савва вошел в театр перед началом репетиции и, решив не беспокоить Станиславского с Немировичем, увлеченных беседой у сцены, опустился в кресло в последнем ряду, с наслаждением вдыхая воздух пустого зрительного зала, словно находящегося в предощущении праздника.

Театральные представления Савва любил с детства. Матушка часто возила их с братом Сергеем (4) в Императорские Большой и Малый театры, и, наверное, именно тогда театр стал частью его души. С годами детские ощущения, понятно, притупились, растворившись в ежедневном круговороте, в осознанной необходимости достойного продолжения ДЕЛА, унаследованного от деда и отца, но забыты не были. Строительство летнего театра в Орехово-Зуево, где находилась Никольская мануфактура – ядро богатства клана Морозовых, стало не только составной частью ДЕЛА – звеном в цепочке шагов по улучшению быта и просвещению рабочих и служащих, но и отголоском давнего увлечения. (5).

Идея создания нового театра в Москве, принесенная Станиславским, показалась заманчивой и грандиозной. Частный театр с общедоступными ценами, смелыми экспериментами и новой драматургией тоже стал для него частью ДЕЛА, но уже в другом масштабе. Ведь, чем больше богатство, тем больше ответственность.

На премьеру спектакля нового Московского Художественного Театра «Царь Федор Иоаннович», проходившую в арендованном здании театра «Эрмитаж» в Каретном ряду Савва не попал – забот на мануфактуре было невпроворот. Смог заехать в театр лишь через несколько дней, да и то, в середине пьесы и... был поражен. Все было из детства – сказочные декорации, старинные наряды и головные уборы, которые, он знал, собирались для спектакля по самым глухим деревням. Потеряв счет времени, Савва заворожено наблюдал, как на сцене разворачивается историческая национальная трагедия. Пожалуй, именно в тот день из главного пайщика товарищества Художественного театра, Савва превратился в страстного и преданного поклонника молодого театра, который был нужен и ему самому, как отдушина, как спасение от пожиравшей жизнь рутинной череды событий.

Размышления Саввы прервал мелодичный женский голос:

– Не верите? Так я вам докажу!

В зал стремительно вошла молодая женщина в длинной шуршащей юбке и белой кружевной блузке с маленьким воротничком. Было в ее облике что-то необычайно милое, воздушное, весеннее. За ней едва поспевал мужчина с тростью в руке.

– Константин Сергеевич, – веселым голосом обратилась она к Станиславскому, – представьте, господин Гречанинов не верит, что я могу свободно взять от нижнего «соль» до верхнего «ля»! Будьте же свидетелем в нашем споре!

На мгновение она остановилась, чтобы отдышаться, потом глубоко вдохнула и запела...

Голос необыкновенной силы и красоты заставил Савву прикрыть глаза...

– Ну, что? – закончив пение, с победной улыбкой спросила она у Гречанинова, скользнув взглядом по сидящему в отдалении Савве. – Все композиторы такие недоверчивые?

Гречанинов только развел руками, признавая поражение.

– Марья Федоровна, что это вы расшумелись? Вон, Савву Тимофеевича разбудили, он тут вздремнул было, – колко пошутил Немирович, поправляя манжет рубашки.

Савва, смутившись, поспешно поднялся и направился к сцене. Ему было определенно знакомо лицо женщины. Конечно же, – Мария Желябужская, на сцене – Андреева, которую он, несомненно, видел и раньше. Но сейчас Савве, еще находившемуся во власти волшебных звуков голоса, казалось, что он увидел ее впервые. Красивые руки, мягкие волнистые волосы, изящная шея, темные манящие глаза...

– Вы дивно поете! Просто чудо! – сказал он чуть хриловатым голосом.

– Спасибо, – Андреева пристально взглянула, точно пытаясь проникнуть вглубь мыслей.

«Глаза у нее удивительные, большие, темные и печальные. Как у итальянской мадонны...» – подумал Савва.

– Савва Тимофеевич, что это вы смотрите на меня, будто в первый раз увидели? – по лицу Андреевой скользнула улыбка.

«Улыбается, а глаза все одно – печальные» – промелькнула мысль.

– Или что не так во мне? – Она запустила длинные пальцы в копну вьющихся волос.

Савва опустил глаза и, не зная куда деть руки, достал портсигар.

– Здесь нельзя курить, Савва Тимофеевич. Знаете ведь наши порядки, не мне вам говорить, – сказала она насмешливо – укоризненно, дерзко глядя ему в глаза.

– Да – да. Конечно... конечно... – Савва, наконец, выйдя из оцепенения, повернулся и, не оглядываясь, быстрыми шагами покинул зал.

Андреева проводила его задумчивым взглядом...

– Что это вы замерли, Марья Федоровна? Я вас второй раз на сцену приглашаю! – услышала она за спиной голос Станиславского и поспешно обернулась с улыбкой на лице.

– Да так, Константин Сергеевич... Чепуха в голове завелась...

4

Переступив порог дома, Савва прислушался к оживленным голосам и взрывам смеха, доносившимся из гостиной.

– Что, у Зинаиды Григорьевны опять гости? – устало спросил он у дворецкого, который лишь растерянно развел руками.

Купив на тихой аристократической Спиридоновке дом с садом на имя Зинаиды Григорьевны и отстроив на его месте новый особняк, Савва даже предположить не мог, что жена так полюбит устраивать роскошные приемы.

Первый же званый обед по случаю новоселья был организован и обставлен Зинаидой со всей помпезностью с участием всего именитого купечества. Решив угостить гостей «чем-нибудь вкусеньким на десерт», она не поленилась самолично отправиться в частную оперу Саввы Ивановича Мамонтова и пригласить на новоселье блиставшего там Федора Шаляпина. А потом непрерывной чередой пошли вечера и балы, на которых Зинаида непременно хотела видеть аристократическую элиту.

Савва миновал холл и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Взгляд скользнул по огромному витражу «Рыцарь», выполненному по эскизу Врубеля. Он невольно улыбнулся, вспомнив, как потрясен был Шаляпин внутренним убранством дома. Исполнив по просьбе Зинаиды Григорьевны для гостей песню «Ай, Матрена, ты подай мне сапоги», Шаляпин вышел из гостиной. Савва последовал за ним и нашел, стоящим перед витражом.

– Что, Савва Тимофеевич, любите воинственность? – спросил тогда Шаляпин, рассматривая фигуру рыцаря.

– Люблю победу! – серьезно ответил Савва.

«Да – а, вроде бы только вчера все было», – подумал он и отворил дверь кабинета – места, где мог отдохнуть душой. Стены здесь были выложены дубовыми панелями, вокруг стояла солидная мебель. У огромного, стилизованного под средневековые окна – массивный письменный стол, заставленный семейными фотографиями. Единственным украшением кабинета была бронзовая голова Иоанна Грозного работы Антокольского на книжном шкафу.

– Савва Тимофеевич, ужинать изволите? – в комнату заглянула прислуга, невысокая рыженькая стеснительная девушка.

– Нет, Лиза, ступай. Впрочем, – он снял сюртук и повесил на спинку стула, – пожалуй, чаю принеси. И погорячее. Прозяб что-то. И еще – не говори Зинаиде Григорьевне, что я вернулся. Мне не до ее гостей. Устал сегодня. Хочу один побыть.

Девушка вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь. Савва отворил окно и глубоко вдохнул прохладный, наполненный весенними ароматами ночной воздух. Деревья, в лунном свете похожие на таинственных великанов, отбрасывали на землю замысловатые тени. Где-то залаяла собака, эхом отозвалась другая. Савва сел на подоконник, привалился спиной к оконному проему, прикрыл глаза и... тут же, словно получив, наконец, разрешение, в голову ворвался и мгновенно заполнил женский голос – нежный и страстный. В воображении возникла фигура женщины с поднятыми вверх руками, запущенными в пышные вьющиеся волосы, женщины с темными глазами итальянской мадонны. «Мария Федоровна... И матушка – Мария Федоровна. Какое удивительное совпадение».

Савва с силой потер виски, пытаясь избавиться от наваждения. Но видение не исчезало. «Ну, что ж. Пусть остается. Значит, так тому и быть».

* * *

– Договорились, Савва Тимофеевич. Вы, как всегда, нас выручаете! – Станиславский крепко пожал ему руку. – А сейчас мне идти надо, не обижайтесь. Вот Марию Федоровну вам оставляю.

Морозов проводил Станиславского теплым взглядом. С Костей они были знакомы так давно, что и не вспомнишь первой встречи. Познакомились еще подростками в гимназии. Костя Алексеев – сын владельца золотоканительного производства не захотел продолжать дело отца и принялся актерствовать, взяв сценический псевдоним – Станиславский, что было по тем временам неписанным законом. На людях Савва держался с Константином, как, впрочем, и со многими знакомыми и близкими людьми, официально, соблюдая дистанцию. Савва считал, что дистанция необходима между людьми для свободы общения, и, тем более, нельзя без нее обойтись в деловом мире. Дело, основанное на дружбе, редко когда успешным бывает. А то ведь друг, ежели он с тобой в одном деле, иногда может так задушить дружескими объятиями, что ни дохнуть, ни двинуться или того хуже – поблажек ожидает и снисхождений, к делу неприменимых. Дружба та крепка, которая из дела произрастает.

– Сильный человек Константин Сергеевич, такое дело поднимает, – уважительно сказал он.

– И сильные люди слабыми бывают, – заметила Мария Федоровна, испытующе глядя на Морозова. – Знаете ли, Савва Тимофеевич, был как-то печальный случай личной ссоры между двумя актрисами, не имевший никакого отношения к театру, но очень мешающий ходу работы. И тут мне, – обхватив себя руками за плечи, Андреева прислонилась спиной к стене, – мне впервые пришлось видеть, как Константин Сергеевич плакал.

Морозов недоверчиво вскинул глаза.

– Да, да, Савва Тимофеевич, представьте, он всхлипывал, как ребенок, сидя на пустыре, где мы тогда репетировали, на пне большой срубленной сосны, сжимал в руке носовой платок, забывая вытирать слезы, катившиеся по лицу. И все повторял: «Из-за мелких, личных бабьих дел губить настоящее, общее, хорошее дело», – горячо воскликнула она, копируя интонации Станиславского. – Вот так. Такой он человек. Уважения только достоин.

Мария Федоровна потерла ладонями плечи и пристально взглянула на Савву.

«Знает ведь свою силу. Небось, видит, что со мной, – растерянно подумал тот, чувствуя непреодолимую притягательность этого взгляда, который и выдержать нельзя, и оторваться невозможно. – А что со мной и вправду?»

– Уважение – дело хоро-о-шее, – протянул он только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Хорошее... – повторила Андреева, по-прежнему, не отводя глаз.

В последнее время Савва испытывал неодолимую потребность хоть иногда окунуться в этот удивительный, печальный взгляд. Даже когда дела не позволяли бывать в театре, чувствовал его на себе, будто она – необыкновенная актриса, сводившая игрой публику с ума, неотрывно наблюдает за ним.

А сейчас Мария Федоровна стоит рядом. Совсем близко. Кажется, протяни руку и – вот она. Но этого нельзя. Никак нельзя...

– Хорошее... – снова задумчиво повторила Андреева и зябко поежилась.

– Холодно? – хрипловатым голосом спросил Савва.

– Нет. Это так... – провела она пальцами по волосам, – ...от мыслей. – И, словно отгоняя их, махнула ладошкой у лица.

«От своих или от моих?» – лихорадочно подумал Савва и вдруг, решившись, схватил Андрееву за руку. Рука оказалась неожиданно мягкой и горячей.

– Вот что, Марья Федоровна! Едемте – ка со мной!

– Куда? – слабо улыбнулась та, и Савва почувствовал, как на лбу у него выступила испарина.

– Куда? Неважно. Едем!

– А и впрямь – неважно! – засмеялась она, высвобождая руку. Просто, чтобы поправить прическу...

5

– Милая, хорошая моя, красавица, знаешь ведь, как люблю тебя, девочка моя, и пользуюсь моей слабостью.

Голос Саввы был непривычно ласков.

– Ну-ну, вижу, рада мне, моя милая, и я тоже, – поцеловал он лошадь в морду и скормил еще кусочек хлеба. – Ешь – ешь. Больше не дам, – потрепал любимицу за холку.

– Что? Чудо? – с улыбкой повернулся к Марии Федоровне.

– Чудо! – весело согласилась та.

– Покататься желаете?

Андреева неопределенно повела плечом.

– Не бойтесь, Марья Федоровна! Она кроткая. Никогда не видел белой лошади, чтобы не была кроткой! Или гнедой – без норова! Ну, а вороная – всегда упряма, как осел.

– Да, я и не боюсь, – лениво—грациозно изогнув спину, Андреева с вызовом посмотрела на Савву.

– Тихон! Неси седла! – распорядился он и, взяв под уздцы двух лошадей, белую и вороную, вывел из конюшни.

– Вороную желаете, конечно, мне предложить? – засмеялась Андреева мелодичным, грудным смехом, наблюдая, как конюх седлает лошадей.

– Нет уж, Марья Федоровна. Не обессудьте, на вороном жеребце сам поеду. А ваша вот – белая. Прошу любить и жаловать, – радушно улыбнулся Савва, но вдруг замер.

– Тс-с. Не шевелитесь! – прижал он палец к губам.

Андреева замерла. Бабочка темно-синего цвета с зеленым обрамлением по краям крыльев опустилась ей на плечо.

– Какая же красавица! – с восхищением выдохнул Савва. – Дух захватывает, как хороша!

Андреева смущенно опустила глаза, будто вовсе и не поняла ничего.

– Савва Тимофеевич! Готово! – голос конюха – конопатого парня лет восемнадцати, заставил его обернуться. Бабочка вспорхнула и улетела, обиженно взмахивая крыльями. Мария Федоровна, пряча улыбку, решительно направилась к лошади.

– Помочь? – Савва подставил руку.

– Отвернитесь-ка лучше! – приподняв край широкой юбки, она ловко, по-мужски, запрыгнула в седло и расправила складки ткани. – Теперь можно!

Савва повернулся. Мария Федоровна сидела в седле уверенно и красиво, ничуть не смущаясь того, что ноги открыты до колен, и смотрела с вызовом.

– Марья Федоровна, – сорвавшимся голосом сказал он, – я-то, по-правде, думал, что вы откажетесь. Иначе бы дамское седло приказал принести.

– Поехали же, Савва Тимофеевич! Сколько вас ждать! – Андреева нетерпеливо шлепнула лошадь по крупу и поскакала по широкой пихтовой аллее к распахнутым воротам усадьбы.

Савва вскочил в седло, пришпорил жеребца и, с места перейдя в галоп, бросился вслед по аллее, а потом – вниз к зеленому полю, покрытому розовой дымкой клевера. Перехватило дыхание. Казалось, летит он за своим счастьем. Или несчастьем? А впрочем, сейчас ему было все равно...

Они остановились только на берегу реки. Солнце клонилось к закату, разлив по небу оранжевую краску. Становилось прохладно. Растрепавшимися от быстрой езды волосами Андреевой играл вечерний ветерок, щеки раскраснелись, глаза возбужденно блестели.

– Через реку не поедем, – сказал Савва, похлопывая по шее разгоряченного коня. – Рожай хоть и не глубокая речушка, но платье точно замочите. Обратно нам пора. Стемнеет скоро.

А нам еще в Архангельское возвращаться, и домой я вас должен доставить в целости и сохранности.

– Да, домой... – вздохнула она.

– Что вздыхаете? Мужа вспомнили? – испытующе взглянул Савва на гостью.

Для него уже не было тайной, что личная жизнь Андреевой не сложилась. Рано вышла замуж за крупного чиновника Андрея Андреевича Желябужского, родила двоих детей, но жизнь не заладилась. Уж больно охоч был Андрей Андреевич до женского пола. Ради детей они все еще продолжали жить в одном доме, сохраняя видимость супружеских отношений. Да разве это жизнь!

Мария Федоровна ничего не ответила. Только хлопнула лошадь ладошкой по крупу, поворачивая в сторону усадьбы.

Обратно по аллее лошади шли неторопливо, почти прижавшись боками друг к другу, и оттого нога Саввы в такт движению прикасалась к ноге Марии Федоровны. Это неизбежное прикосновение сводило с ума. Андреева задумчиво молчала, не делая, однако попытки отстраниться.

– С сегодняшнего дня сия аллея будет называться в вашу честь – «аллеей Марии Андреевой», – торжественно объявил Савва, склонившись к Марии Федоровне.

Та засмеялась и, поднеся указательный палец к губам, заговорщицки прошептала: «Но пусть это будет нашей тайной».

Подъехали к конюшне. Спешившись, Савва отдал жеребца подбежавшему конюху и подошел к наезднице, продолжавшей сидеть в седле.

– Помочь? – Он встал перед лошадью. – Или отвернуться?

– Помочь. – Андреева протянула руки и оперлась на Саввины ладони всей тяжестью тела.

Тот подхватил Марию Федоровну и бережно опустил на землю. Рук не разжал и оттого оба застыли лицом к лицу, почти прижавшись друг к другу... Их разделяло только дыхание. Его ли? Ее ли? Аромат цветущей сирени дурманил голову...

– Приходите к нам домой. Запросто. Я буду рада, – прошептала она.

Савва молчал, ошеломленный неожиданной близостью ее тела.

– Так придете? – еще тише спросила Мария Федоровна, легонько касаясь его груди пальцами.

– Приду. Непременно, – выдохнул Савва и накрыл ее ладонь своей. – Мне теперь без вас – никак нельзя...

6

После приглашения Марии Федоровны, Савва не сразу решился заехать к ней в приемные дни – смущало двусмысленное присутствие мужа, пусть даже бывшего. Однако, в первый раз переступив порог дома в Георгиевском переулке, в котором находилась девятикомнатная квартира главного контролера Московского железнодорожного узла Желябужского, он испытал своего рода облегчение. Шаг сделан! А дальше? Дальше будет видно...

Тогда он попал на один из вечеров, которые время от времени устраивала у себя Мария Федоровна. Неистощимые на выдумки Москвин и Качалов разыгрывали шуточные сценки, заставляя всех присутствующих смеяться до слез. Мария Федоровна была весела и обворожительна, смеялась так искренне и так заразительно, что гости вдохновлялись еще больше. Савва нашел себе интересных собеседников – Куприна и Бунина, но, разговаривая с ними, то и дело поглядывал на хозяйку. Да и сам все время ловил на себе ее быстрые взгляды, будто Мария Федоровна украдкой проверяла, смотрит ли он на нее и, убедившись в том, что смотрит, продолжала веселиться с новой силой, словно упиваясь его вниманием. К концу вечера даже согласилась спеть, шепнув ему перед этим: «Только для вас». Савва чувствовал себя счастливым. Разошлись все в начале четвертого утра...

* * *

Савва, стараясь не шуметь, тихонько вошел в зрительный зал с бокового входа.

– «Ну, может ли быть что-нибудь противнее, когда человек так терпелив, когда лицо у него вечно мадоннистое!» – обращаясь к партнерше, воскликнул актер с худым, вытянутым лицом.

Савва поморщился.

«Мейерхольд. Как же его зовут? А, не важно! – Савве не нравилось, как тот играет Иоганнеса в пьесе Гауптмана. Слишком резкие краски, да и слишком раздраженно он говорит со своей женой Кетэ.

– «Ну, Ганн, только не раздражайся напрасно. Стоит ли говорить об этом?» – мягким голосом постаралась успокоить его Кетэ.

«А вот Маша в роли Кетэ хороша! Играет талантливо и с достоинством. И вовсе у нее не „мадоннистое“ лицо, а лицо настоящей мадонны», – любясь на актрису, думал Савва. Уж он-то знал, как трудно Марии Федоровне играть больную, слабую женщину на протяжении всего спектакля. Она все время боялась «затишить» текст и потому бледно сыграть роль. Но техника у нее великолепная и голос особенный! Удивительный голос! Как бы тихо она ни говорила, слова были слышны, звук доходил до последнего ряда так же, как бывает слышен самый слабый звук музыкального инструмента, когда его касаются пальцы виртуоза.

Дождавшись антракта, Савва заглянул в гримерную.

– Вы? – Андреева слабо улыбнулась.

– Тс-с! – поднес он палец к губам. – Ничего не говорите, Мария Федоровна! Я зашел только глянуть на вас.

– Что скажете? – тихо спросила Андреева, вглядываясь в собеседника.

– Дивно, как всегда – дивно! – искренне восхитился Савва.

– Ох, как же тяжело! – покачала она головой. – Кабы вы знали, Савва Тимофеевич! То мне кажется, что я нашла что-то новое, сильное, красивое, и что это действительно талантливо, то – что все никуда не годится, а я – самая заурядная актриса, и лучше бы мне заняться фельд-

шерскими или еще какими—то прозаическими науками. Злюсь на себя, подчас до того, что так бы, кажется, и разбила себя на куски!

– Дивно, право же, дивно! Не сомневайтесь, – подбодрил актрису Морозов и, поцеловав ее расслабленную руку, поспешил в коридор, чтобы не мешать, а заодно и успеть перекурить. Однако побыть в одиночестве ему не удалось.

– Савва Тимофеевич, рад вас приветствовать! – приветливо улыбаясь, к нему подошел высокий статный мужчина с усами вразлет – князь Голицын, один из самых уважаемых в Москве людей, бывший московский губернатор, совсем не случайно избранный Городским головой. Умный, тонкий, приветливый, к тому же обладавший деловой хваткой, он, как писали газеты «соединял в своем лице много условий, благоприятных для влиятельной роли, которую взял на себя» (6) и был близок Савве по духу и политическим взглядам.

– Мое почтение, светлейший князь! – приветливо поздоровался Савва. – Как поживаете?

– Вот, пришел в театр на Марию Федоровну полюбоваться. Играет чудно, великолепно, а минутами – просто изумительно! Она – велика! Хотел бы засвидетельствовать свое восхищение лично. – Голицын бросил взгляд на закрытую дверь гримерной.

– Ну, уж коли сам Городской голова Первопрестольной такое говорить изволит, значит, и впрямь Марья Федоровна – велика! – пряча довольную улыбку за дымом папиросы, согласился Савва.

– Кстати, Савва Тимофеевич, раз уж мы встретились, помните наш давнишний разговор? Даете свою кандидатуру на следующие выборы? Нам нужны такие деятельные люди, как вы.

– Гласным Городской Думы быть – дело не простое, – покачал головой Савва. – Перед горожанами ответ держать надобно по совести. А, впрочем, – он широко улыбнулся, – с таким Городским головой как вы, Владимир Михайлович, работать любо-дорого. Почту за честь послужить Первопрестольной. В общем, считайте, дело решенное! – Савва затушил папиросу о край пепельницы, стоящей на низком столике.

– Ну, вот и славно, Савва Тимофеевич! – явно обрадовался князь такому завершению разговора и сделал шаг по направлению к двери гримерной. Прозвучавший звонок на спектакль позволил Савве удержать его. Марии Федоровне сейчас визитеры ни к чему.

– Пойдемте-ка в зал, – заторопился Савва, увлекая за собой Голицына. – Спектакль – то уже начинается, а мы тут с вами разговоры разговариваем...

...На сцене дело шло к развязке. Иоганнес, расставшись с возлюбленной Анной, соби-рался покончить с собой, оставив записку...

«Иоганн! Бегите, ради Бога, скорее! Да-да, я чувствую, что это так – он не может больше жить, – с отчаянием в голосе закричала Кетэ. – Я все сделаю, все! Только не надо этого, не надо!» – на ее лице было написано страдание. – «О, Боже милостивый! Только бы он был жив! Только бы он мог еще услышать меня!» – с молитвенным отчаянием прошептала она.

У Саввы перехватило дыхание. Умница, какая умница! Зал, замерев, наблюдал как Кетэ, заметив письмо, подходит к столу, выпрямившись, с лицом, скованным ужасом догадки. Казалось, что ноги ее двигаются помимо воли. Она берет записку и, поднеся свечу к самому лицу, закаменевшему и как бы покорившемуся неизбежному, читает. И, тут же, как подкошенная, падает вместе с горячей свечой вперед.

Савва невольно сжал кулаки. Глаза защипало от стоящей в зале тишины. Было слышно, как кто-то всхлипнул. И, через мгновение, взрыв аплодисментов: «Браво, Андреева! Браво!» – на сцену полетели цветы...

Савва вышел в фойе.

«Она – богиня! Бесспорно – богиня», – думал он, в волнении направляясь к гримерным, куда пока еще не пропускали рядовых поклонников, но перед дверью Марии Федоровны в нерешительности остановился, пытаясь взять себя в руки.

«Богиня! Несомненно – богиня!» – билась в голове пьянящая, восторженная мысль.

– Са-авва Тимофеевич! – послышался из гримерной голос актрисы. – Не стойте в коридоре, входите. Я же знаю, что вы здесь! Я уже переоделась!

Морозов толкнул дверь и увидел улыбающуюся Андрееву, которая радостно протягивала ему руки.

– Спасибо за цветы. Прелесть какая! Таку-у-ю корзину роз в первый раз видела. Спасибо, милый, милый Са-авва Тимофеевич! – напевно поблагодарила она, глядя увлажнившимися темными глазами.

Савва смущенно заулыбался, удерживая ее руки. Чуть дольше, чем позволяли приличия. И вдруг заметил на столике у зеркала записку.

– Это вам? Кто написал? – строго поинтересовался он, отпуская руки Марии Федоровны.

– Любопытство, знаете ли, признак дурного тона, – кокетливо рассмеялась та, – но от вас, друг мой, у меня секретов нет.

Взяв листок в руки, Андреева с видимым удовольствием прочитала вслух:

«Когда кругом пестрят безвкусные наряды,
Твоя одежда нежной белизны.
Когда глаза других горят греховным блеском,
В твоих – лазурь морской волны».

– Как вам? – живо поинтересовалась она, прикусив нижнюю губку, чтобы спрятать улыбку.

– Что за пиит? – хмуро уставился на нее Савва.

– А-а, ревнуете? – рассмеялась Андреева. – Вижу, вижу, ревнуете! Ах, вы ревнивец этакий! Это Мейерхольд. Сева, – небрежно сообщила она и отвернулась к зеркалу, чтобы припудрить скулы.

«Значит, его зовут Сева. Имя, пожалуй, не лучше фамилии», – раздраженно подумал Савва.

Андреева, заметив в зеркальном отражении хмурое лицо поклонника, снова рассмеялась.

– Савва Тимофеевич! Полно вам! – повернулась она к Морозову. – Мне нет до Мейерхольда никакого дела. Ну, посудите сами. У Севы лицо топором, голос скрипучий. Да и ему, говоря честно, до меня тоже дела никакого. (7) А записка со стишком – для него просто, как сорванный цветок для проходившей мимо женщины. Не более. Ну же, Савва Тимофеевич! Хватит дуться! – провела она пальцами по лацкану его пиджака. – Кстати, – услышала возбужденные голоса поклонников за дверью гримерной, – завтра у меня нет спектакля. Приходите вечером, как обычно. Непременно приходите!

Савва благодарно поцеловал ей руку, и Андреева с царственным видом опустилась в кресло лицом к двери.

В гримерную постучали и через мгновение комната заполнилась гурьбой восторженных почитателей. Морозов отошел к стене.

Мария Федоровна вскинула руку в знак прощания и растворилась среди цветов и восторгов.

Домой Савва пошел пешком. Чувствовал себя счастливым. «Богиня! Просто богиня!» – повторял он мысленно вновь и вновь, все еще не веря, что такая женщина – красивая, утонченная, талантливая, окруженная толпой восторженных поклонников, любого из которых могла поманить одним движением изящного пальчика, выбрала именно его. Понимал, что с каждым днем, с каждой новой встречей все более попадает под ее колдовское, манящее обаяние, растворяется в темных глазах, сходит с ума от случайного легкого соприкосновения, но ничего с собой поделывать не мог, да и не хотел. Рядом с Марией Федоровной он вновь открыл в себе способность любить.

«Коготок увяз – всей птичке пропасть!» – выскочила из подсознания несвоевременная мыслишка.

«Ради такой женщины и птички не жаль! – отмахнулся Савва. – А истинная любовь – всегда жертва».

– Савва Тимофеевич! Приветствую вас! – из поравнявшегося с ним экипажа выглянула развеселая кудрявая голова.

«Федька Данилин, – узнал Савва. – С большим азартом проматывает свалившееся на него наследство».

– Чегой-то вы пешком разгуливаете, Савва Тимофеевич? – Гуляка вылез на подножку экипажа. – А где же ваш знаменитый автомобиль? Неужто сломался? – залиvisto расхохотался он. – И то – лучше лошадок ничего нет! Может подвезти? Еду, гляжу, бредете, голову повесили, будто потеряли чего...

– Езжай, езжай! – отмахнулся Савва.

«Нет. Не потерял. Скорее – нашел. Конечно – нашел!» – улыбнулся он собственным мыслям.

* * *

Зима на переломе веков выдалась снежная, вьюжная. Сугробы, обрамлявшие московские тротуары, с каждым днем поднимались все выше. Дворники до изнеможения расчищали дороги, будто соревнуясь с ней – кто кого. Вскоре на помощь дворникам пришло весеннее солнышко, прогревшее промерзшую Москву и оживившее веселые ручьи, которые наперегонки побежали вдоль домов и улиц, вызывая бурный восторг детворы.

Зимы в этом году Савва почти не заметил...

7

Вернувшийся из Берлина Морозов сидел в кресле в уютном кабинете Марии Федоровны и с удовольствием слушал рассказ о поездке театра в Ялту, чтобы показать Чехову «Чайку» и «Дядю Ваню». Радостно-возбужденная Мария Федоровна расхаживала из угла в угол, и оттого Савве то и дело приходилось поворачивать голову вслед. Делал он это с удовольствием. Андреева была хороша – в светло-бежевом, домашнем платье из мягкой шерсти, со слегка растрепавшимися волосами и румянцем на лице, выглядела как молоденькая девушка.

– Вышло так, что в Ялте сейчас Бунин, Куприн, Скиталец, Мамин-Сибиряк, – старательно перечислила она известные Савве имена. – Мы все собирались вечерами у Антона Павловича, который оказывал нам самый радушный прием и, кажется, был очень доволен. А уж эти писатели, Савва, такой необычный народ! Каждый из них считает, что именно он велик, а остальные – так ... – небрежно махнула она рукой. – Кстати, познакомились с Максимом Горьким, – Мария Федоровна загадочно улыбнулась. – Знаешь, Савва, так интересно, когда вначале знакомишься с произведениями, а потом с их автором. – Она снова улыбнулась своим мыслям. – Право же, очень интересно! Ведь страшно разочароваться, каждый из нас рисует свой образ писателя. Но здесь – никакого разочарования! Горький сразу приковал к себе всеобщее внимание. Представь, Савва, – высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, грубые черты лица, рыжие усы. И, ужас – то какой! – все время чертыхается. Но все это так мило! Нет, Савва, ты только представь!

Морозов слушал с полуулыбкой, не перебивая. Давно ее не слышал...

– Двигается он легко и плавно, – продолжила Андреева, – несмотря на рост, но все время руками размахивает, – перейдя на широкий шаг, забавно изобразила, как размахивает руками Горький.

Савва одобрительно рассмеялся и полез в карман за портсигаром.

– И вот об одном вечере хочу тебе сказать, когда все писатели у Антона Павловича собрались, – Мария Федоровна приостановилась. – Да интересно ли тебе?

– И то, разве не заметно? Продолжай, продолжай, Маша, – улыбнулся Морозов, любуясь хозяйкой.

– Чехов на диване сидел, поджав ноги, и с улыбкой внимательно слушал. – Она протянула Савве пепельницу. – Прямо как ты сейчас. Горький всех убеждал, что... нет, ты только послушай! – потребовала она, заметив, что Савва опустил глаза, прикуривая. – Что «Толстой и Достоевский принесли великий вред русскому народу, стараясь пресечь, остановить и удержать историю его развития». Каково? Все его, конечно, слушали и молчали, а когда он ушел, стали возмущаться и кричать: «Какое нахальство! Как он смеет! Самоучка!» Но, это, Савва, только, когда он ушел. Даже Чехов нахмурился: «Что же вы это все ему самому не сказали?» Вот такой народ писатели.

Андреева накрутила на палец локон, мимоходом скользнула взглядом по своему отражению в зеркале, и вдруг весело спросила:

– А не хотите ли, Савва Тимофеевич, пельменей отведать?

– Не откажусь. При условии, что вы, Мария Федоровна, мне компанию составите.

– Составлю, Савва Тимофеевич, составлю. Пойдемте же! – Андреева распахнула дверь в столовую и направилась туда легкой, пружинистой походкой.

«Разве что не подпрыгивает Маша, как девчонка!» – отметил про себя Морозов.

Устроились за круглым столом, уже накрытым к обеду, на котором стараниями прислуги появилось глубокое блюдо с дымящимися пельменями, посыпанными мелко нарубленной зеленью и чесноком.

Андреева наклонилась к блюду и, прикрыв глаза от удовольствия, втянула аромат.

– Голодная, похоже? – Савва застелил колени салфеткой.

– Страсть как голодна! – весело кивнула Мария Федоровна, подставляя тарелку прислуге.

– То – то я гляжу, как про пельмени заговорила, так глаза заблестели ярче, чем когда про Горького рассказывала, – с усмешкой заметил он и проткнул вилкой пельмень. Тонкое тесто растаяло во рту, уступив место сочному комочку мяса.

– Отменно. – похвалил Савва и принялся неспешно опустошать тарелку. – Очень у вас, Мария Федоровна, повар хорош. Мясо какое сочное! Телятинка?

– Телятинка. А к ней вдобавок – свинина, курятина, да булка елисейевская, – пояснила Андреева, демонстрируя неожиданную осведомленность в делах повара. – А повар действительно отменный! Умный, красивый, талантливый, – задумалась, какие бы еще достоинства назвать, но решила подвести итог. – Страсть как мне нравится! – хитро взглянула на Савву, который недоуменно поднял брови и замер с вилкой в руке. – Марией Федоровной зовут! – небрежно сказала она и звонко рассмеялась.

– Неужто сама делала? – изумился Морозов. – Ну, мастерица! Вот уж удивила!

– Да я-то что, – промокнула она губы салфеткой, бросила на стол и перешла на диван, указав Савве рукой на зеленое бархатное кресло напротив. Это ты, Савва, мастер на всяческие неожиданности.

Савва благодарно улыбнулся и бросил взгляд на каминные часы.

– Торопись куда? – перехватила Мария Федоровна его взгляд.

– Маша, голубушка, как ни прискорбно, но мне идти пора. Встреча важная с князем Голицыным. Необычный, кстати, он человек. Пятнадцать лет изо дня в день запирается вечерами в кабинете и ведет дневник, пишет о делах общественных и семейных. Для потомков, коим наше беспокойное время может показаться интересным. И жена у него – чудесной души женщина. – Морозов снова покосился на часы. – Ну, все, не обессудь, идти мне надобно!

– Иди, иди, Савва, не переживай. У меня тоже кое – какие дела имеются.

Морозов, поцеловал Марии Федоровне руку, но, пройдя через комнату, остановился в дверях.

– Хотя, знаешь, уходить мне прямо скажем, не хочется. Уж больно повар у тебя хорош.

– А плохого повара какой резон держать! – рассмеялась Андреева.

Как только за гостем закрылась дверь, Мария Федоровна, мгновенно став серьезной, поднялась с дивана, подошла к телефону и назвала телефонистке номер.

– Дядя Миша. Я через час буду. Задержалась немного. Сами знаете – дела...

8

Солнечные лучи заливали столовую мягким золотистым светом. Савва, сидя напротив Зинаиды за столом, отрешенно размешивал ложкой сахар в тонкой фарфоровой чашечке, не замечая озабоченного взгляда жены.

– Отдохнуть тебе, Саввушка, надо! Посмотри, на кого похож стал. Почернел весь, глаза покраснели. Подумать только, фабрика столько сил отнимает, а ты еще химическое акционерное общество основал зачем-то. И к чему только ты его в Германии зарегистрировал? Теперь еще и туда ездить придется.

– Это не должно тебя заботить, Зина, – нахмурился Савва. Не любил говорить с женой на такие темы. Не женского ума это дело.

– У меня ж за тебя сердце болит, неужели не понятно?! – Зинаида обиженно надула губки, отчего стала похожа на свою любимую фарфоровую куклу. Савва с трудом сдержал улыбку, которая была бы сейчас не к месту.

– Ты, Зинаида, забыла еще сказать, что я, кроме того, являюсь директором Трехгорного пивоваренного товарищества, управляю своей городской недвижимостью и земельными владениями вне черты города, а еще¼ (8).

– Хватит, ты нарочно что ли? – рассердилась она и в сердцах бросила нож на стол. – Себя не бережешь, обо мне с детьми не думаешь...

Савва не любил такие разговоры – бесконечные и бессмысленные. Начиная раздражаться, даже стукнул ложечкой по краю блюда, отчего оно подскочило и опрокинуло чашку.

– ... и поведение у тебя дурацкое! – закончила Зинаида гневную тираду и подала знак прислуге, чтобы поменяла приборы.

День, едва начавшись, грозил закончиться ссорой, а Савве этого вовсе не хотелось. Он сделал глоток чая и откинулся на спинку стула.

– Дело, Зина, сама понимаешь, как езда на велосипеде: коли остановишься, так сразу и упадешь. А деньги, которые имеются, надобно в дело пускать. Около дела народ кормится, а ты надо всем тем народом хозяин. А раз хозяин, то и заботу проявляй. У кого еще кроме меня при фабрике школы, ясли, больница, училище, библиотеки, столовые, лавки, аптеки, жилые дома и общежития, а? Вскорости и специальный фонд учредим для ежемесячной выдачи денежных пособий семьям умерших рабочих и служащих. Люди это ценят.

Зинаида скептически усмехнулась.

– Потому и дела у меня на фабрике славно идут. Наши, морозовские изделия, вытеснили английские ткани даже в Персии и Китае! А вспомни, как отец противился, когда я первым делом выписал из Англии новейшее оборудование, отменил штрафы, изменил расценки, построил новые бараки?

Зинаида молча надкусила конфету. Воспоминание было не из приятных: тогда поссорился Савва с отцом влютую, насмерть, и ей, беременной, пришлось на коленях умолять мужа поехать к отцу мириться. Слезами заливалась, да так все скверно кончилось, начались схватки, первого ребенка на два месяца раньше положенного срока родила.

– Ну, ладно, – примирительно сказала она. – Хватит об этом. – Но ответь, при всех твоих делах да заботах – к чему тебе еще этот театр? – пристально взглянула на мужа.

– А что театр? – напрягся Савва.

– Как что? – Зинаида отодвинула чашечку с недопитым чаем. – Ты же там теперь днюешь и ночуешь! Сколько денег на него тратишь! То одно, то другое... – Она запнулась. Видно было, что еще что-то хотела сказать, но сдержалась.

Савва поднялся из-за стола и махнул рукой прислуге, чтобы оставила их одних. Совсем уж не в свое дело полезла Зинаида.

– Я гляжу, ты деньги считать научилась? – губы его подрагивали, глаза сузились от злости. – Может это я трачу тысячи на приемы для родовой знати, светской молодежи, офицеров всяких? А наряды твои бесконечные? То для благотворительного базара, то на вернисаж, то¼ Театром меня попрекать вздумала! (9).

– Савва! – Зинаида тоже встала. – Я завтра с детьми в Покровское уезжаю. А ты поживи здесь, подумай.

Натолкнувшись на тяжелый взгляд мужа, попыталась улыбнуться.

– Это я давно решила, просто сказать тебе все забывала. А сейчас вспомнила. Тебя к ужину ждать?

– Там видно будет! – Савва вышел из комнаты.

Зинаида, проводив мужа взглядом, вдруг со всей силы ударила по столу ладошкой.

– Вот так! – вскинула она голову. Никто не смеет повышать на нее голос. Никто! И потом, что она такого сказала-то? Да она еще ничего и не сказала...

* * *

Выйдя из дома на Спиридоновке, Савва молча кивнул шоферу, молодому зеленоглазому Гавриилу, которого все в семье за улыбочивость и добрый нрав ласково называли Ганечкой, сел в автомобиль, поджидавший у входа, и откинулся на спинку сиденья. Разговор с женой отвлек от мыслей о деле, которому он собирался посвятить сегодняшнее утро. Когда год назад Станиславский и Немирович-Данченко решили учредить общедоступный театр, они, походив по известным московским благотворителям и не получив поддержки, обратились к нему за помощью. Хотя в тот момент мало кто верил в возможность создания такого театра, Морозов сам не поскупился, да и других в товарищество привлек. И поначалу дела пошли хорошо. Однако не все в жизни складывается так, как хочется – много препятствий у хорошего дела в России. К сегодняшнему дню финансовое положение Московского Художественного Театра стало совсем плачевным – весь капитал истрачен. Решено было созвать сосьетеров – участников товарищества театра, чтобы найти выход из создавшегося положения.

– Савва Тимофеевич, ехать-то куда прикажете?

Голос Ганечки, которому не терпелось поскорее поехать хоть куда-нибудь на новом, являвшемся предметом его гордости автомобиле, вернул Савву к действительности. Он снова взглянул на часы. Собрание уже началось, а он не любил опаздывать, считая, что этим отнимает чужое время.

– Давай, Ганя, в театр, к Станиславскому! И поторапливайся, голубчик, опаздываем.

Гавриил радостно кивнул головой и нажал педаль газа...

– Савва Тимофеевич, не извольте гневаться, я чуть подальше от входа встану, гляньте, там лужа-то какая! – извиняющимся тоном пояснил Ганечка, спиной почувствовав недоуменный взгляд хозяина.

Савва глянул из автомобиля на грязную брусчатую мостовую, залитую огромной лужей. В мутной воде плавали обрывки бумаг, старый башмак без шнурков, а ближе к краю валялась большущая кость, непонятно почему оставленная без внимания здешними бродячими собаками.

– Э-э, да тут, похоже, съели кого-то, – пробормотал он и аккуратно ступил на мостовую, стараясь не запачкать до блеска начищенных черных английских ботинок.

Савва поднялся по ступенькам серого двухэтажного дома и стремительно вошел в комнату, где уже шло собрание пайщиков. При виде Морозова все сидящие за столом замолкли, хотя по разгоряченным лицам было видно, что обсуждение идет тяжело.

– А-аа, Савва Тимофеевич, рад вас приветствовать, мы уж и не ждали, – быстрым движением отбросив назад прядь волос, упавших на лоб, поднялся ему навстречу Станиславский.

– Прошу прощения, Константин Сергеевич, задержался! – Савва энергично пожал ему руку и сел на стул рядом с насупившимся Немировичем, лишь слегка кивнувшим в знак приветствия.

Савва Немировича не понимал. Чувствовал, что тот относится к нему настороженно, словно ожидая подвоха. А какой подвох может быть в совместном деле, когда и прибыли-то нет, а большую часть расходов Савва сам покрывает? Ну, да Бог ему судья!

– Что тут? Коротко! – наклонился он к сидящему с другой стороны стола младшему брату Сергею.

– Понимаешь, Савва, Константин Сергеевич считает, что убытки... – начал тот.

– Коротко! – жестко повторил Савва, пробарабанив по столу веснушчатými пальцами.

– Сам знаешь – капитал истрачен. Станиславский предложил повторить взносы, – шепотом резюмировал Сергей.

– Твоя позиция?

– Воздержался.

– Остальные?

– Отказываются.

– Понятно, – нахмурился Савва и, резко отодвинув стул, поднялся. Присутствующие, замолкнув, повернули головы в его сторону. Немирович поморщился и потер виски.

– Господа! – голос Морозова был сух. – Буду краток. Предлагаю погасить долг и дублировать паевой взнос.

Откинувшись на спинку стула, Станиславский с облегчением и любовью взглянул на Савву.

– Но! – сделав внушительную паузу и обведя всех участников собрания твердым взглядом, продолжил Морозов. – Хоть мой пай и самый крупный, я считаю делом чести всех вас внести и свои деньги, – выделил он слово «свои», – пусть хоть и по тысяче, но мы все должны знать, что это – дело компанейское. Что скажете?

Все присутствующие оживленно загомонили.

– Типичная купеческая черта! Что ему десять-пятнадцать тысяч всех остальных пайщиков? – услышал он голос Немировича, наклонившегося к Станиславскому.

– Все верно он сказал. Молодец. Должно быть единодушие! – поддержал Савву Станиславский, поднялся и, подойдя к окну, распахнул, впустив в комнату вместе с прохладным воздухом шум улицы.

– Так что? Да? Нет? – спросил Морозов.

– «Да-а...» – нехотя и вразнобой прокатилось над столом.

– Вот и славно! Вот и решили! – Савва окинул всех потеплевшим взглядом. – А сейчас, господа, предлагаю закрепить все на бумаге.

Повернулся к стоящему у окна Станиславскому.

– Идите к нам, Константин Сергеевич, а то продует, не ровен час, а вам себя побережь надобно.

Станиславский благодарно улыбнулся и, подойдя к Морозову, оперся на спинку его стула.

– Завтра будете на репетиции? – поинтересовался он. – Обещали.

– Буду, раз обещал, – кивнул Морозов. – Я своему слову хозяин.

* * *

– Поймите, я начинал с вами наше дело не для того, чтобы потом пришел капиталист, который вздумает из меня сделать... как бы сказать? – секретаря, что ли? Или официанта – «Чего изволите-с?» – раздраженно говорил Немирович, отрезая кусочек за кусочком от нежной телятины в сухарях и, время от времени, поглядывая в сторону входа в зал ресторана. (10).

Станиславский, сидевший напротив, слушал молча, видимо, давая партнеру выговориться. Стол был накрыт на троих, однако третий стул пустовал.

– Я все время должен вступать с ним в «особые соглашения». Он настолько богат, что постоянно хочет на все влиять! – Немирович, наконец, положил в рот один из отрезанных кусочков мяса и замолчал, пережевывая. – С ним согласовываются все вопросы, связанные с пополнением труппы, репертуарные проблемы, распределение ролей. А это обсуждение достоинств и недостатков спектаклей?! Черт знает что! – раздраженно бросил он нож с вилкой на стол.

Стоящий поодаль официант услужливо подскочил и заискивающе склонился:

– Поменять прикажете?

Немирович отмахнулся от него как от назойливой мухи.

Станиславский аккуратно промокнул губы салфеткой:

– А помните, мой дорогой, Владимир Иванович, как у нас не ладилась декорация к вашей пьесе? И он, солидный человек, вместе со всеми лазил по лестнице, вешал драпировки, картины, носил мебель, вещи, расстилал ковры? Он наше дело в сердце впустил, вы же видите. Дело даже не в том, что без него и театра бы не было. Директор Никольской Мануфактуры и – ни на день не забывает о Художественном театре, хоть ненадолго, приезжает на каждый спектакль, а когда не может, звонит по телефону, выпрашивает, как идет представление, все ли в порядке по постановочной части. Вы только вдумайтесь!

Немирович снова взял в руки приборы и, насупившись, принялся гонять по тарелке блестящую маслину.

– Он же энергичный человек, – продолжил Станиславский, – потому не может просто дать деньги и остаться пассивным наблюдателем живого творческого процесса. Вдумайтесь только – мануфактур-советник, один из крупнейших капиталистов страны, просит доверить ему заведование электрическим освещением сцены! И, вот вам, пожалуйста, какие чудеса наворотил! – в голосе прозвучал искренний восторг.

Маслина, соскользнув с тарелки, упала на белую скатерть и покатилась, оставляя желтый след. Немирович раздраженно бросил ее обратно.

– Вон, актеры говорят, – продолжил Станиславский, – расходятся после спектакля и сталкиваются с ним у входа в «Эрмитаж»; он, видите ли, торопится на спешные ночные монтажки декораций и освещения! Я вам, Владимир Иванович, прямо скажу, Савва Тимофеевич в театр наш принес не только деньги, но и труд, бодрость и доверие! Давайте же не... – заметив появившегося в зале ресторана Морозова, Станиславский прервался и с улыбкой поднялся навстречу. Немирович неохотно последовал его примеру.

– Прошу прощения, господа! – Савва уселся за стол. – Я прямо с поезда. В Питере был. Заседал. Ох, я вам доложу, и забавный народишко наши чиновники! Так, кажется, и дал бы иногда по голове чем-нибудь тяжелым. Для оживления черт лица.

– Савва Тимофеевич, какая честь! – к столику подбежал хозяин ресторана, невысокий толстяк с вытаращенными от желания угодить глазами, в сопровождении двух официантов. – Какая честь! Что подать прикажете?

Немирович поморщился и, взяв маслину пальцами, демонстративно бросил в рот.

– Голубчик, – Морозов откинулся на спинку кресла, – голоден я, как волк! Кажется, ел в прошлом веке!

– Что прикажете? Икорка, грибочки. Перепелки с брусничкой, – услужливо согнулся стоящий рядом официант с напояженными волосами.

– Да ладно уж с ними, перепелками, – усмехнулся Савва, – их еще ловить надо...

Хозяин ресторана снова округлил глаза, выказывая преданность и готовность немедленно лично заняться отловом деликатесных птиц.

– ... а я – жуть, как голоден! – продолжил Морозов. – Вот что...

Официанты встали в стойку, показывая высочайшую степень готовности к исполнению любых прихотей столь уважаемого гостя.

– ...несите макароны с икоркой. И соуса, соуса не забудьте! – Савва положил салфетку на колени, сложив треугольником. – А гастрономический разврат в другой раз организуем! – громко сказал вслед уже удаляющимся официантам и, бросив веселый взгляд на хмурого Немировича, понимающе улыбнулся Станиславскому.

– Значит так, господа хорошие, пока суть да дело, – Савва провел рукой по уже начинающей сесть голове, – давайте о нашей «Снегурочке». Репетиции идут?

Станиславский кивнул.

– Отлично. Фонари и стекла для изображения облаков и восходящей луны я выписал из-за границы. Обувь для действующих лиц вначале хотел привезти из Пермской губернии, где мое имение, но теперь поручил купить ее в Архангельске. Я еще раз перечитал пьесу и кажется мне, что стиль русского севера более подходит для задуманного вами сказочного действия.

Немирович вздохнул и красноречиво посмотрел на Станиславского.

– Что еще? – Морозов будто и не заметил взгляда. – Перед отъездом в Санкт-Петербург я осмотрел состояние помещения «Эрмитажа». Что я вам могу сказать, Владимир Иванович? – обратился он к Немировичу, сидевшему как нахохлившаяся птица. – Надо перед премьерой обновить покраску стен, опустить пол сцены, переделать рампы, изменить размещение ступеней, – Морозов отпил глоток воды из бокала. – Ну, кажется мне, это основное.

Немирович закашлялся, торопливо прикрыв рот салфеткой. В глазах Станиславского промелькнула усмешка.

Перед Саввой поставили тарелку дымящихся макарон с горкой черной икры в середине. Он с наслаждением принюхался, перемешал макароны с икрой, полил сверху розовым соусом и бросил веселый взгляд на Станиславского.

– Да вы не беспокойтесь, Константин Сергеевич. Успеем. Всех на ноги поставим, ночами работать станем, а к премьере все будет, лучше быть не может! – С удовольствием принялся за еду.

– Ну и аппетиты у вас, Савва Тимофеевич! Пугающие, прямо скажем... Во всем! – покачивая головой, нараспев сказал Немирович.

– А вы не пугайтесь, любезный Владимир Иванович! – Савва оторвался от еды. – Когда одно общее блюдо готовится, без аппетита никак нельзя, иначе все пресным получится да невкусным. Чувство голода, оно ведь у каждого свое, – он подлил в блюдо соуса, – у кого до куса хлеба, у кого до перепелочки, а у кого – до дела, до творческой его сердцевинки!

– Не зна-а-ю... – протянул Немирович, откинувшись на спинку кресла. – Мне одно известно: сытый никогда голодного не уразумет!

– Верно. А голодный – сытого! – весело парировал Морозов. – А посему, позвольте, Владимир Иванович, еще маслинок вам заказать? Вы ведь большой их любитель, как я успел заметить...

Станиславский опустил глаза. Уголки его рта подрагивали от едва сдерживаемого смеха.

– А-а! – махнул рукой Немирович. – Заказывайте. Заказывайте, что хотите! Что с вами сделаешь? С вами, не захочешь, а съешь.

– Ну, вот и пришли, наконец, к согласию! – обезоруживающе улыбнулся Станиславский и, наклонившись к Морозову, шепнул:

– Жизнь-то как хороша, Савва!

– Хороша, Костя! Немыслимо хороша! – ответил тот, глядя на Станиславского счастливыми глазами...

9

– Ехать тебе, Зина, надобно, он совсем голову потерял!

Зинаида, занятая вязанием ажурного полотна, казалось, и не слушала вовсе сидящего напротив нее на веранде в плетеном кресле – качалке Сергея. Только после последних слов крючок в руках замелькал быстрее.

– Он, представь, превратил сад и весь дом в мастерскую для экспериментов. В зале не пройти – кругом одни приборы. У него, видите ли, световые пробы.

Крючок в руках Зинаиды вновь начал двигаться неторопливо.

– Зинаида Григорьевна! – к ней мелкими шажками подошла невысокая женщина с фруктовой вазой в руках.

Крючок в руках Зинаиды замер. Она подняла голову, вопросительно глядя на Варвару Михайловну – всеобщую любимицу, главную над всевозможными гувернерами, нянями и боннами, которым было доверено растить младших Морозовых.

– Прощения прошу. Вы желали с Тимошей поговорить перед тем, как он заниматься начнет. (11).

– Позже, Варвара Михайловна. Я помню. Сейчас, видите, гость у меня.

– Как скажете. – Женщина поставила на столик вазу с фруктами и вышла с террасы.

Из открытых окон особняка доносилась музыка. Тимоша старательно разучивал утомительные гаммы.

– Продолжай, Сергей, я слушаю, – Зинаида снова принялась за вязание.

– Я в сад вышел, чуть не упал, потому как споткнулся о толстенный кабель, который Савва протянул от будки электрической. Представь, Зина, кругом софиты, прожектора. Люди какие-то копошатся. А в ванную вообще не войти – вонь страшная! – наморщил он нос. – У него там химическая лаборатория. Говорит, вспомнил свои патенты, теперь лаки разных цветов делаю, покроем ими лампы и стекла, такое освещение на сцене будет, нигде такого нет! – И это – наш – то Савва! Мануфактур – советник! А вся труппа тем делом в отпуске пребывает! Отдыхать изволят! – возмущенно добавил он.

Зинаида аккуратно разгладила на коленях полотно, внимательно разбирая рисунок.

– И людей там превеликое множество, рабочие всякие... Жужжат, как комары, – никак не мог успокоиться Сергей.

Зинаида, оторвавшись от рукоделия, хлопнула себя по руке. «Прав Пушкин, прав! Воистину прекрасно лето, когда б не зной, не комары, да мошки. Впрочем, он – всегда прав», – нахмурилась она.

– Что молчишь, Зина? Скажи что-нибудь! – нетерпеливо воскликнул гость.

– Скажу. Жужжат, Сережа, не комары, а пчелы. А комары – пищат.

– Ну, и сиди тут! – недовольным голосом воскликнул Сергей, пораженный ее спокойствием. – А знаешь ли, почему он так театром-то увлекся?

Зинаида замерла.

– Просто голову потерял наш Савва, вот, что я скажу! И не только я! – разгорячено воскликнул гость. – Вся Москва об этом говорит! И, знаешь кто...

– Знаю, Сергей, – оборвала гостя Зинаида, резко поднимаясь из кресла, отчего вязание упало к ногам. – Все я знаю. Все. Мир не без добрых людей! – горько усмехнулась она. – Один добрее другого! Только тебе – то что? А? Ты – то какой интерес в этом деле имеешь?

Подхватив белый ажурный зонтик, и прямо держа спину, она направилась по ступенькам в сад.

Сергей торопливо поднялся вслед за ней.

– Что тебе до Саввы? Оставь меня. Надоел, – бросила Зинаида и, раскрыв зонтик, не оглядываясь, пошла по дорожке.

– Брат он мне! Брат! – крикнул ей вслед Сергей и, махнув рукой, вернулся в дом.

Зинаида, войдя в садовую беседку, закрытую со всех сторон густой листвой дикого винограда, с тихим стоном опустилась на деревянный пол. Слез не было, просто нечем стало дышать...

«Счастье... Ведь было... И куда ушло? Как вода сквозь пальцы. Была разведенкой, а теперь, считай, брошенка! Уж все знают про Савву и эту... Как унижительно! Надо мной, Зинаидой Морозовой смеются! Надо мной!» – Она рванула ворот блузки и засмеялась. Нелепо и надрывно. Громче и громче. А потом, обхватив голову руками, завывала... как раненая волчица.

Над кустами желтых роз, увивших террасу, деловито жужжали извечные трудяги – пчелы. Из открытых окон дома доносилась музыка. Тимоша старательно разучивал утомительные гаммы...

* * *

Массивный дубовый стол был завален бумагами. Савва быстрым почерком дописал последнюю фразу отчета Правления: «Итого за год было произведено четыреста сорок тысяч пудов пряжи, двадцать шесть тысяч пудов ваты и до одного миллиона восьмисот тысяч кусков ткани» и поставил точку.

В комнате было душно. Он поднялся и отворил окно, однако, легче не стало – тягучий летний воздух был полон предошущением грозы.

«Хорошо сейчас в Покровском. С детьми. Окунуться в речку, полежать на берегу, глядя в летнее небо, – мечтательно подумал он. – Хоть и не хотелось бы пока с Зиной встречаться. Впрочем, ехать все равно придется – завтра день рождения Машеньки. (12). Надо бы еще подарки прикупить, – Савва улыбнулся, представив, как обрадуется ему черноглазая певунья. – Что ж. Надо собираться. Но, пожалуй, поедет он туда не один. При посторонних им с Зиной будет легче».

* * *

За окном вагона неторопливо сменялись однообразные картинки. Низкое закатное солнце слепило глаза.

– Люблю я, Василий Осипович, российские пейзажи, – Савва, прищурив глаза, смотрел в окно. – Хоть с виду унылы и дики, зато раздольны. Как русская душа. Без конца и без края.

Его спутник – мужчина лет шестидесяти с небольшой бородкой, всю дорогу занимавший Савву увлекательной беседой, согласно кивнул:

– И впрямь, Савва Тимофеевич, широта русской души – от простора земли русской. В какую сторону не пойдешь, везде волю найти можно, – сделал паузу, задумчиво взглянув на Савву, – коли ищешь.

Поезд, издав хриплый гудок, замедлил ход.

– Подъезжаем, Василий Осипович, – сообщил Морозов. – Нас должны встречать.

Поезд заскрежетал тормозами, дернулся несколько раз и остановился у платформы.

– А вот и братец! – улыбнулся Савва, заметив человека, зашпешившего навстречу.

– Савва! С приездом! – к нему подбежал, радостно взмахнув руками, Сергей. – А я тебя с утра ждал. Бог мой! Да ты не один?! – увидел он спускающегося следом мужчину.

– Василий Осипович! Радость – то какая! Вот уж не чаял вас сегодня увидеть! – Он порывисто обнял гостя – знаменитого Ключевского, перед которым они с Саввой преклонялись.

Ключевский был не просто человеком – легендой, он был тем, кто первым открыл для них с братом тайны истории. Учитель. Какое звание может быть выше?

Савва передал небольшой кожаный баул подбежавшему к ним кучеру, и они двинулись к стоящему неподалеку экипажу.

– Вот, Василий Осипович, прошлый раз мы с вами сюда намного дольше добирались, а сейчас, как нарочно для нас, станцию открыли – Ново-Иерусалимскую, – сообщил Савва.

– Не иначе, знали, что вы сюда снова пожаловать изволите! – радостно добавил Сергей.

Экипаж тронулся с места. Дорога уходила налево, поднимаясь в гору, затем пряталась в еловую аллею.

– Счастливым вы человек, Савва Тимофеевич! – воскликнул Ключевский, взглянув на погрузившегося в раздумья Морозова.

– Да – да... – рассеянно ответил тот.

– Именно счастливый, – продолжил Ключевский, – хотя вполне допускаю, что этого и не осознаете.

Морозов удивленно поднял брови.

– А не осознаете просто в силу недостатка времени.

Савва неуверенно кивнул.

– А знаете, какой самый верный и едва ли не единственный способ стать счастливым? – хитро взглянул на него Ключевский.

Савва с нескрываемым интересом посмотрел на собеседника, знавшего тайну, недоступную большинству.

– Чтобы стать счастливым, надобно... вообразить себя таковым! – радостно сообщил Василий Осипович. – Счастлив, кто может жену любить как любовницу, а несчастлив, кто любовнице позволяет любить себя как мужа! – сказал он и залиvisto рассмеялся. (13).

Савва нахмурился. Зачем Василий Осипович об этом?

Экипаж проехал мимо нескольких с поклоном снявших шапки крестьян.

– Любят тебя здесь, Савва! – проговорил Сергей, встревожено взглянув на брата.

– Отнюдь, – Савва с сомнением покачал головой. – Все это видимость одна. Все чаще думаю, сколько не делай, сколько средств не вкладывай, не любят у нас богатых. Деньги берут, кланяются, а сами фигу в кармане держат. А то и дубину за спиной, чтобы хребет переломить, когда отвернешься.

– Ох, Савва Тимофеевич! – снова вступил в разговор Ключевский. – Я так вам скажу. Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что заставляют бедных чувствовать свою бедность. И хоть от уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут чувствовать себя менее бедными. И это – вопрос не политической экономии, а народной психологии.

– Ну, да. Для всеобщего равенства легче добротный соседский дом спалить, чем себе такой же отстроить, – хмуро пробурчал Савва.

– Я прошу прощения за свою болтовню, – сказал Ключевский, устраиваясь поудобнее. – Все, знаете ли, в городе сию, а как на природу выезжаю – сразу хмелею! У меня, господа, знаете ли, два личных врага, близких моему лицу и не дающих мне покоя: это мой нос, который постоянно болеет, и мой язык, который постоянно говорит, – снова залился он заразительным детским смехом, вытирая кулаком враз выступившие слезы.

Морозов неуверенно улыбнулся, но потом, глядя на развеселившегося Василия Осиповича, тоже рассмеялся. Вслед за братом начал подхихикивать и Сергей.

Переехали Малую Истру, преодолели крутой подъем, свернули перед церковью направо и остановились у крыльца дома с колоннами.

– Я смотрю, у вас обновление? – повернулся Ключевский к Савве.

– Да вот, соединили главный дом с флигелем, мебель обновили. Хорошо получилось, Зина довольна, – пояснил Морозов, недоуменно оглядываясь по сторонам и высматривая встречающих.

– С самого утра ждали, – смущенно попытался объяснить Сергей, первым выходя из экипажа.

Они поднялись на просторную высокую террасу, с круглым столом посередине, украшенным вазой с цветами, и накрытым к приему гостей. Ключевский подошел к чугунным витым перилам.

– Красота тут у вас! Простор какой! Так бы сидел на терраске, да смотрел, смотрел...

– А вот, если выше подняться, – показал Савва на второй этаж, – вид еще чудеснее!

– Папочка приехал! Папочка приехал! – в распахнутую двустворчатую дверь выскочили дети, облепив отца. Нарядная Маша, первой добежавшая до Саввы, была подхвачена на руки.

– А я уж думала ты совсем не приедешь, – девочка крепко обняла отца за шею.

Следом на террасе появилась Зинаида Григорьевна в белом кружевном наряде, подошла к Савве и сдержанно прикоснулась губами к его щеке.

– Прошу к столу! Мы уж заждались! – обратилась она к гостям, бросив укоризненный взгляд на Савву, который не предупредил о приезде Василия Осиповича.

Гости, оживленно переговариваясь, устроились за столом. Детишки с двух сторон рядом с Саввой, Зинаида – между Василием Осиповичем и Сергеем. Савва придвинул к себе увитую фарфоровыми розами белую чашу – холодильник, приподнял крышку за искусно сделанную фарфоровую клубничку, взял несколько прохладных ягод и, бросив хитрый взгляд на детей, быстро положил ягоды в рот.

– Пап, и нам дай! – громко шепнул Тимофей, с восторгом наблюдавший за шалостями отца.

Савва приподнял было крышку, но Зинаида неодобрительно кашлянула и дети замерли.

– Так вот, Василий Осипович, – будто продолжая начатый разговор, весело пояснил Савва, продолжая держать снятую крышку. – Обратите внимание на это чудо мейсеновского фарфора. Вот сюда, на дно, помещаются кусочки льда, затем они прикрываются вот такой тонкой крышкой в мелкую дырочку, как решето, а сверху кладутся фрукты, которые... – извлек несколько покрытых влажной испариной ягод, – так приятно есть прохладными, – протянул ягоды детям, – в жаркий летний день.

– Как ребенок, право! – Зинаида неодобрительно покачала головой.

Прислуга внесла блюда с румяными, ароматными пирогами и сладостями, и проголодавшиеся в дороге гости с удовольствием приступили к еде.

«Счастливый отец, – размышлял Ключевский, украдкой наблюдая за Саввой, который с заговорщицким видом о чем-то перешептывался с детьми. У Маши на коленях уже лежал пушистый белый котенок, преподнесенный отцом в корзинке с розовым атласным бантом. – Наверное, Савва прав, детей надо баловать, когда есть возможность. Ведь никто не знает, что их ждет в будущем».

– Хорошая у вас работа, Василий Осипович! – прервал его размышления Сергей, бросив взгляд на молчаливую Зинаиду, грустно наблюдавшую за Саввой. – Преподавать историю, быть знаменитым профессором Московского Университета. История ведь как учительница, которая...

– История, любезнейший Сергей Тимофеевич, – прервал его Ключевский, отложив в сторону пирожок с капустой, – скорее не учительница, а надзирательница, наставница жизни, по-латыни. История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков. Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

– А мы, пожалуй, пойдем купаться! – Савва под восторженные крики детей поднялся из-за стола и вопросительно взглянул на Ключевского. Тот едва заметно кивнул головой.

– Конечно, Савва Тимофеевич. Только уж меня увольте. Если я на берегу вашей речки разденусь – вся рыба непременно передохнет. Не эстетическое, прямо скажем, это зрелище. Так что вы вот сами – с молодежью.

Все рассмеялись. Даже Зинаида улыбнулась.

Мудрый старик все прекрасно понимал. Потому и каламбурил, пытаясь отвлечь Савву и Зинаиду от их мыслей.

Савва зашел в дом и через минуту вернулся с полотенцами в руках. С криками «Ура!» дети вприпрыжку побежали вслед за ним вниз к реке. Сергей, в огромной белой шляпе, смешно размахивая руками, едва поспевал за ними.

– Какое уж там купание, – пожалла плечами Зинаида Григорьевна, обращаясь к Ключевскому, – воды по колено и то не будет. Баловство одно.

– Так и пусть балуются, Зинаида Григорьевна! – улыбнулся Ключевский и потянулся за куском яблочного пирога. – Прекрасно у вас здесь! А храм рядом с домом, что-то я запамятовал?

– Покрова Богородицы называется. А со второго этажа купола Нового Иерусалима видны. Да-а... святое место!

– Коли мне память не изменяет, – Ключевский смахнул крошки с лацкана пиджака, – Новый Иерусалим патриарх Никон в семнадцатом веке строил не как земной Третий Рим или Византийскую Софию, а как место пришествия «паки грядущего со Славой Судьи живым и мертвым», ожидая «схождения небес на землю», – процитировал он. – Потому и иконы Страшного Суда в храме писаны были.

– У меня там, по-правде сказать, есть любимая икона – «Троеручница», – оживилась Зинаида, – в том же семнадцатом веке из Афонского монастыря присланная. Правда, Савве, – вздохнула, – другая по душе – «Христос в темнице». Там Христос изображен в цепях, с огромной гирей на ногах... Впрочем, Савва не часто туда ходит. Василий Осипович, вот вы умный человек, скажите, как вы к актерам относитесь? – неожиданно с плохо скрытой болью в голосе спросила она, пристально глядя на собеседника.

– К актерам? – Ключевский сосредоточенно нахмурился. – Что ж... По-моему, несчастные они люди...

Зинаида встрепенулась.

– Ведь по сути как получается, голубушка: люди играют в реальность, а актеры играют в жизнь. – Он задумчиво помолчал. – И проживают на сцене чужие жизни. Однако же, играя других, они отвыкают быть самими собой.

– И порой уж и не поймешь, где у них правда, а где чью-то роль играют, – оживившись, согласно закивала Зинаида.

– Я так полагаю, что искусство – это суррогат жизни, – задумчиво сказал Ключевский. – Вроде и похоже на жизнь, а реального вкуса нет. Только привкус.

– Как вы сказали? – Зинаида с изумлением посмотрела на гостя. – Суррогат? А книги? Как же книги? Иной раз читаешь какого-нибудь романиста, и думаешь, экий тонкий психолог!

– Ну, да, – Ключевский приподнял крышку холодильницы и подхватил клубничку, – романистов часто называют психологами. Только у них разные дела. Романист, изображая чужие души, часто рисует свою, а психолог, наблюдая свою душу, думает, что видит чужие. – Он положил ягоду в рот. – Один похож на человека, который видит во сне самого себя, другой – на человека, который подслушивает шум в чужих ушах, – заулыбался он, похоже, довольный собственным высказыванием.

Со стороны реки донесся смех Саввы и восторженный визг детей. Зинаида поморщилась. Ключевский участливо посмотрел на хозяйку.

– Да вы не переживайте, голубушка. Все у вас образуется...

Зинаида, вскинула на него увлажнившиеся глаза и, поспешно поднявшись из-за стола, вошла в дом. Василий Осипович, проводив ее взглядом, встал и подошел к перилам.

«Странно, что я никогда не задумывался, во что превращается любовь, когда она умирает? Может быть, в обледеневший огонь...»

10

Савва в раздумье сидел в кресле, наблюдая, как языки пламени, словно нехотя, облизывают толстые березовые поленья в огромном камине из родомского песчаника. Взяв кочергу, он поворошил дрова. Пламя, словно обрадовавшись неожиданной помощи, с сухим треском жадно вцепилось огненными зубами в бересту.

«Неужели любовь, как огонь, горит только тогда, когда ей приносятся новые жертвы? – размышлял Савва. – А если все, что было, уже брошено в ее пламя? Что тогда? Любовь превращается в тлеющие угли, а потом в пепел? Уходит? Куда? Обращается в облако, чтобы воскреснуть где-то живительным дождем, или проваливается в неведомую бездну, из которой уж и выхода нет? – Он снова поворошил дрова, наблюдая за радостным фейерверком искр. – А, может, нужно просто найти в себе силы и дунуть на пока еще тлеющие угли, чтобы дать ей возможность снова вспыхнуть? Но для этого нужна жертва...»

– Может быть, ты, наконец, объяснишь, что происходит? – Савва поморщился от резкого голоса жены, решительно вошедшей в комнату, и нехотя повернул голову в ее сторону. Зинаида с вызовом смотрела на мужа покрасневшими то ли от бессонной ночи, то ли от слез глазами, под одним из которых подрагивала тонкая жилка.

– Ты правды ждешь, Зина? – поднимаясь с кресла, спросил Савва с удивившим его самого спокойствием. – Что ж... – помедлил он, подбирая слова. – Я, Зина, другую женщину любил... Так-то вот... – повернулся к камину и снова принялся ворошить кочергой угли.

– Актриску эту? – также неожиданно спокойно спросила Зинаида. – Андрееву?

– Да. Ее, – тихо ответил Савва и повернулся к жене. – И поделаться с этим ничего не могу. Прости.

– Но, Савва... – лицо Зинаиды побледнело. – А наше положение? Репутация? Дети? Что скажут люди?

– Я не червонец, чтобы всем нравиться. Какой есть! – оборвал он жену.

– Интересная поговорка, сам придумал или научил кто? – дрогнувшим голосом спросила Зинаида.

– Мысль не моя. Бунина. А по мне – чисто про меня сказано.

– Так что ж, – Зинаида обернулась уже в дверях, – теперь... по ночам... не ждать тебя?

– Не жди! – жестко проговорил Савва и аккуратно положил кочергу на место. – Детям только ничего не говори, ладно?

– Что ж. Как знаешь. Только... – задрожавшие губы Зинаиды скривились в попытке улыбнуться, – не думай, что мне это все так уж больно. Переживу. Как-нибудь... – Она вышла, гордо подняв голову, и тихо прикрыла за собой дверь.

11

Савва вышел из конторы Правления Никольской мануфактуры и сел в автомобиль, ожидавший у подъезда. Тяжелые тучи нависли над серыми домами, но дождя еще не было.

– Давай – ка, Ганя, к Андреевой.

– В театр? – уточнил водитель.

– Домой, Ганя, домой. Сегодня спектакля нет.

Издали докатились раскаты грома, и первые крупные капли дождя застучали по тенту автомобиля...

В этот день у Марии Федоровны приема не было. Савва был приглашен на встречу «в узком кругу близких друзей». Переодеться после работы он не успел и потому ехал при параде – в роскошной пиджачной тройке.

Савва вошел в прихожую и поправил узел галстука. Красивые галстуки были его слабостью. Собираясь куда – либо, выводил из себя даже терпеливого камердинера Ферапонта. И то – выбери-ка один нужный галстук, когда их в гардеробе более сотни.

– Савва Тимофеевич, милый, наконец-то! – Мария Федоровна, в длинной юбке и блузе с множеством мелких пуговиц на груди, вышла навстречу.

– Жарко-то как сегодня, душно! – сказала она, обмахиваясь рукой. – Экий вы сегодня официальный! – не преминула отметить, оглядев костюм.

Морозов последовал за ней, ругая себя за то, что не заехал домой переодеться. Одежда от «Жуля Мейстера», купленная в Леонтьевском переулке, была, без сомнения, слишком официальной для встречи «в узком кругу». Они прошли сквозь анфиладу комнат в дальний конец квартиры, где Савва еще не бывал. За круглым столом под зеленым уютным абажуром сидели трое незнакомых мужчин, поднявшихся ему навстречу.

Савва остановился и слегка наклонил голову, с любопытством оглядывая присутствующих. Один из них – крепко сбитый, сутуловатый, с крупной курчавой головой и глубоко посаженными карими глазами с нескрываемым интересом смотрел на гостя.

– Знакомьтесь. Мой большой друг – Савва Тимофеевич Морозов. Я вам о нем много рассказывала. А это, – первым Андреева указала рукой на кудрявого, бросив в его сторону ласковый взгляд, – Дмитрий Иванович Лукьянов, бывший репетитор моего сына Юрия.

– Это, – Андреева улыбнулась мужчине в широкой рубаше, стоявшему так, что лицо оставалось в тени, – Михаил Александрович Михайлов, а проще – дядя Миша, его так все зовут.

Савва кивнул и перевел взгляд на третьего, расположившегося ближе всех к нему человека с прямым и открытым взглядом.

– Александр Николаевич Тихонов, – мужчина представился сам. – Студент Петербургского горного института.

«Странная, однако, публика, очень странная, – отметил Савва, усаживаясь на свободный стул. – Такие люди – и друзья светской женщины, знаменитой актрисы, желанной гостьи на приемах у Великого князя Сергея Александровича!? Той, чей портрет пишет маслом супруга Великого князя, Елизавета Федоровна, сестра царицы!» – Савва усмехнулся, неспешно достал папиросу и закурил, разглядывая присутствующих. Ему нравилось коллекционировать человеческие типы.

Окно в комнате было приоткрыто, и оттого занавеска колебалась под порывами ветра. Капли дождя колотили по подоконнику.

Мария Федоровна накинула на плечи шаль и устроилась рядом с ним на стуле с высокой резной спинкой. Савва настороженно молчал, попыхивая папироской. Не любил торопить события. Ждал.

– Вот, друзья мои, все в сборе, – прервала затянувшуюся паузу Андреева. – Сейчас чай принесут.

В комнату вошла девушка в белом фартучке. На подносе принесла изящные чашки с чаем и широкую вазу с печеньем и сушками.

Савва с удовольствием отпил глоток, только сейчас вспомнив, что, заработавшись, забыл пообедать.

– А что, Савва Тимофеевич, каково миллионером-то быть? – наконец, нарушил тишину «дядя Миша», умудрившийся сесть таким образом, что лицо его снова оказалось в тени.

Андреева улыбнулась, бросив ободряющий взгляд на Савву.

– А вы попробуйте! – усмехнулся Морозов.

– Небось, не жизнь, а игра сплошная, – хмыкнул кудрявый.

– Так точно-с! – Савва всегда начинал говорить словоерсами, когда злился. – Игра-с. Только я так всю жизнь играю что, либо – башка вдребезги, либо – спина пополам.

Мария Федоровна, взглянув на Савву, взяла печенье и, надкусив, положила на блюдце.

– А как вы относитесь к тому, что каждый человек должен быть свободен? – хриплым голосом поинтересовался кудрявый.

– Хорошо отношусь. Только в большинстве своем люди сейчас понимают свободу лишь как свободу от обязанностей к ближнему.

– А вы, Савва Тимофеевич, конечно, считаете, что ближних нужно любить, что, так сказать, все люди – братья? – с усмешкой спросил дядя Миша.

– Эка вы, в вопросы гуманизма залезли, – Савва поставил чашку. – Может и братья. Но как полюбить этих братьев? Как полюбить людей? Посмотрите на них. Душа-то хочет любить одно прекрасное, а люди большей частью несовершенны. Иначе говоря, – Савва провел рукой по коротко стриженному затылку, – в большинстве своем душа человеческая вовсе не способна, в нынешнем ее состоянии, к подлинно моральному действию, то есть к любви. Человек нашего века отталкивает от себя брата. Готов обнять все человечество, а брата не обнимет. Моральный идеал, – продолжил Морозов, – есть потому просто риторика. Между тем, – снова достал папиросу, отметив про себя любопытный взгляд, брошенный бывшим репетитором на серебряный портсигар, – все люди связаны между собой такой глубокой связью, что, поистине, «все виноваты за всех».

Андреева слушала с интересом, обхватив себя руками за плечи.

– Я думаю, что мы все связаны друг с другом косвенно, незаметными нитями. И все наши действия, даже мысли влияют на других людей. Простите, господа, не могу сидеть, – Савва поднялся из-за стола и принялся ходить по комнате маленькими шажками, продолжая курить, – весь день сегодня за столом провел. А я – движение люблю. Порча крови российской отчего? – осмотрел он присутствующих. – От медлительности движения.

– Еще чаю? – вмешалась Мария Федоровна, оглядев гостей.

– Спасибо. Напились уж, – ответил молчавший все это время студент. – А как вы, Савва Тимофеевич, думаете, что же делать, чтобы эту кровь заставить по всему организму российской быстрее циркулировать?

– Для того в старину цирюльники были, которые людям кровь пускали! – хихикнул кудрявый репетитор.

– Что делать? – Савва нахмурился. – Понять сначала причину. Отчего? А уж потом – как с этим бороться. То ли кровь пускать, то ли какими другими средствами лечить. Без кровопускания, – бросил он неодобрительный взгляд в сторону кудрявого. – По мне, все проблемы из-за отсутствия в стране прочного закона и опеки бюрократии, распространенной на все области русской жизни, да еще невежества народа... Впрочем, – махнул он рукой, – это долгий разговор.

– Вот давайте в следующий раз и поговорим. – Кудрявый достал из сумки пачку гектографированных бумаг и положил их на стол перед Морозовым. – А мы вам тут кое-что почистить дадим, если хотите. Прочтите, как соберетесь. Тем более, – усмехнулся он, заметив настоженный взгляд Саввы, – вам интересно будет. Ведь эти главы Мария Федоровна перевела. Она у нас с детства немецкий знает.

Андреева смущенно кивнула.

– У кого это «у нас»? – нахмурился Морозов.

Мария Федоровна поднялась и, подойдя, легонько прикоснулась пальцами к плечу Саввы.

– У нас, Савва Тимофеевич. У марксистов, – низким грудным голосом пояснила она. – И это – уже три года как моя главная и основная жизнь.

Савва поморщился.

– Видите, как я вам доверяю, – продолжила Андреева, ласково заглядывая ему в глаза. – Потому как вы – близкий и родной мне человек, – сказала она многозначительно и, взяв со стола бумаги, протянула их Савве.

«Близкий и родной мне человек, – эхом отозвалось в его сердце.

«Карл Маркс. Капитал», – прочитал он название, молча взял стопку и, кивнув гостям, вышел из комнаты.

Мария Федоровна, бросив на гостей встревоженный взгляд, поспешила следом за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.